

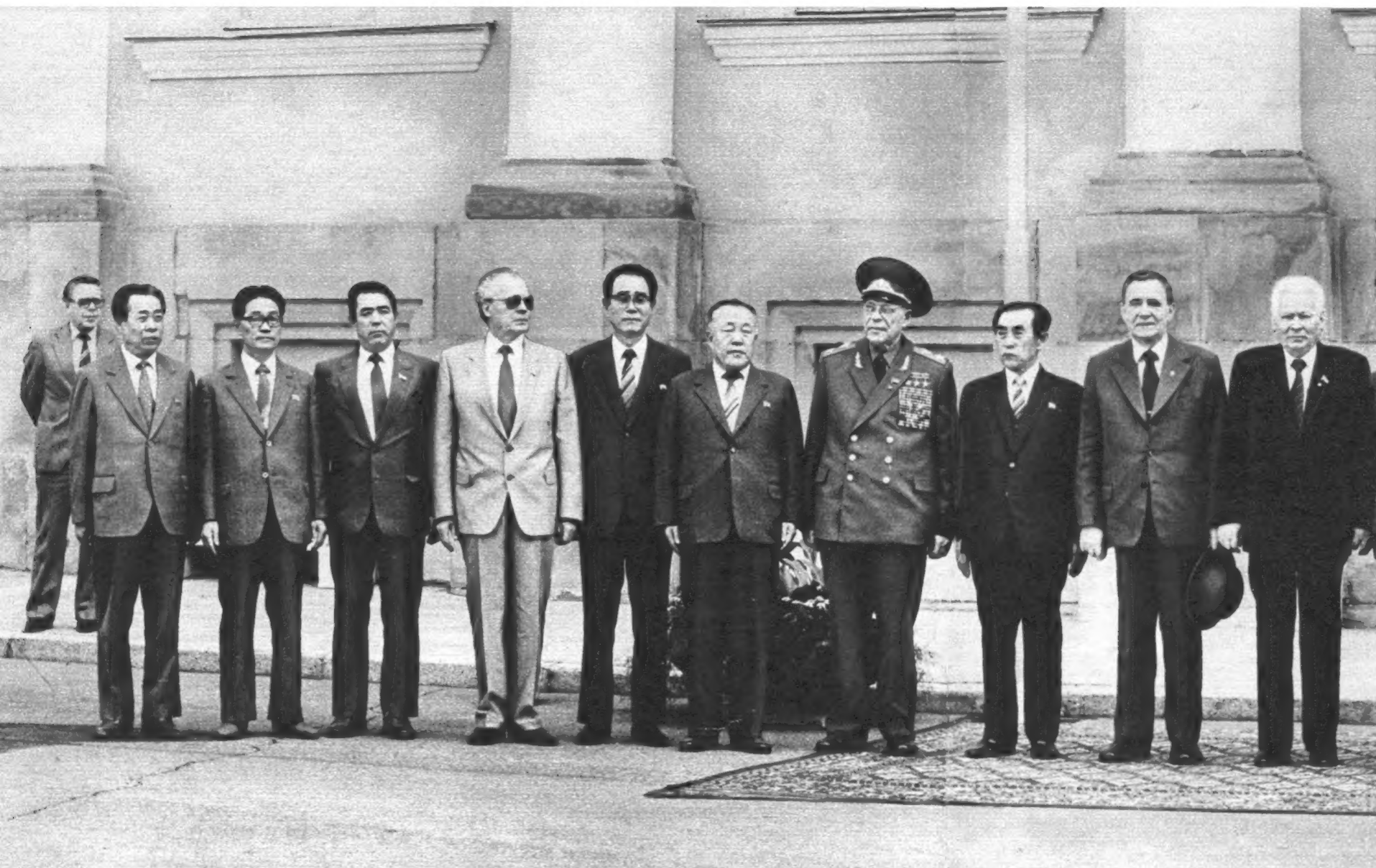
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 22 МАЙ 1984

«ШЕДЕВРЫ» — Смотрите в номере цветную вставку и рассказ о творениях классиков западно-европейского и русского изобразительного искусства [стр. 16—18].

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

 ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 22 (2967)
26 МАЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна, В. Кошевого (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 23 мая в Москву с официальным дружественным визитом прибыла партийно-государственная делегация Кореической Народно-Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Трудовой партии Кореи, Президентом КНДР Ким Ир Сеном.

На вокзале делегацию встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, другие официальные лица.

С вокзала кортеж автомашин в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов направился в Кремль.

В Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца, Ким Ир Сена, членов делегации тепло приветствовал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

На церемонии встречи в Кремле присутствовали товарищи Н. А. Тихонов, М. С. Горбачев, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, В. В. Кузнецов, Н. В. Русаков, Н. И. Рыжков, другие официальные лица.

Во время церемонии встречи в Кремле.
Фото А. Гостева

БЕСЕДА К. У. ЧЕРНЕНКО

С Г.-Д. ГЕНШЕРОМ

22 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко принял заместителя федерального канцлера, федерального министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера, находящегося в Советском Союзе с визитом.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе беседы К. У. Черненко подтвердил неизменность курса СССР на обеспечение мира, обуздание гонки вооружений, предотвращение ядерной катастрофы. Он обратил внимание на серьезное возрастание военной опасности, особенно после появления в Западной Европе, в том числе на территории ФРГ, новых американских ракет первого удара. В этой связи было подчеркнуто, что если США и НАТО будут продолжать наращивать ядерную угрозу, то Советским Союзом и его союзниками будут неуклонно осуществляться адекватные ответные меры.

Г.-Д. Геншер, призывая к возобновлению переговоров по ядерным вооружениям, повторил известную позицию НАТО по вопросу о размещении американских ракет в Западной Европе, которая, как известно, привела к срыву переговоров в Женеве.

На это с советской стороны было сказано, что размещение американских ракет создало препятствия для переговоров, и призывы к их возобновлению при сохранении этих препятствий не могут восприниматься как серьезные. Близоруно считать, будто устранение амери-

канских ракет было бы нашим подарком Советскому Союзу. Это отвечало бы интересам безопасности всех, в том числе США, и, конечно, Западной Европы. В случае вывода американских ракет СССР отменил бы и свои ответные меры. Был бы открыт путь к переговорам о сокращении ядерных вооружений.

Советским Союзом, сказал К. У. Черненко, выдвинут комплекс далеко идущих предложений по оздоровлению международной обстановки, устранению ядерной угрозы. Однако в Вашингтоне делают вид, будто их не существует, и даже пытаются убедить общественность в том, что США за диалог, но любыми способами упирается в нежелание русских. На самом деле все обстоит наоборот.

К. У. Черненко привлек внимание собеседника к предложению Советского Союза о том, чтобы ядерные державы руководствовались в отношениях между собой определенными согласованными нормами поведения в интересах предотвращения ядерной войны, а также и другим крупным инициативам СССР и его союзников, направленным на радикальное оздоровление обстановки в Европе и в мире, на укрепление доверия между государствами.

На беседе присутствовали: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и посол СССР в ФРГ В. С. Семенов, с западногерманской стороны — статс-секретарь МИД ФРГ А. Майер-Ландрут, посол ФРГ в СССР Х.-Й. Кастль, заместитель начальника политического департамента МИД ФРГ Г. Браунмюль.

НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛИМ!

Владимир НИКОЛАЕВ

В свое время печально известный американский деятель Джон Фостер Даллес утверждал: «Чтобы заставить страну нести бремя, с которым связано содержание мощных вооруженных сил, необходимо создать эмоциональную атмосферу, родственную психологической обстановке военного времени. Надо создать представление об угрозе извне». Нынешняя американская администрация преуспела в этом. Вашингтонские стратеги, осуществляя свои милитаристские планы, добрались уже и до космоса, который они собираются превратить в плацдарм агрессии и войны. В ответе К. У. Черненко на обращение американских ученых разоблачаются эти опасные замыслы и предлагается договориться о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. В ответе К. У. Черненко говорится, что необходимы срочные шаги, пока грозный процесс милитаризации космического пространства не приобрел необратимого характера.

О чреватой губительными последствиями политике администрации Рейгана говорится также в ответах министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова на вопросы корреспондента ТАСС. Как известно, развертывание американских ракет средней дальности в Европе привело к ухудшению международной обстановки, возросла вероятность ядерного конфликта. Наша страна была вынуждена принять ответные меры, в том числе и в отношении непосредственно территории США. Наши ответные меры строго выдержаны в тех пределах, которые диктуются действиями США и НАТО. «Нам не требуется военное превосходство», — сказал К. У. Черненко на февральском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, — мы не намерены диктовать другим свою волю, но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим».

Да, мы за мир, за решение спорных международных вопросов путем переговоров. Но мы никому не позволим говорить с нами вот таким языком: «Каждую ночь потенциальный противник должен засыпать в страхе, опасаясь, что мы прибегнем к ядерному оружию». Снова отчетливо слышен голос Даллеса, но это не он. Это уже Рейган, высказавший сей сомнительный постулат еще в бытность свою губернатором штата Калифорния. Не надо нагонять на нас страх. Нас не запугаешь! Организаторам нового «крестового похода» против социализма нелишне вспомнить, чем заканчивались такие попытки в прошлом. 22 ноября 1917 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Союзники изолируют Россию, чтобы покончить с большевистским правлением». Против молодой Советской республики развернулась вооруженная интервенция Англии, Франции, Японии, США и других капиталистических государств. Когда эта карательная операция мирового империализма провалилась, в антисоветской истерии зазвучала новая нота. «Не так уж много остановок на пути из Петрограда до Сиэтла», — писала «Чикаго трибюн», начиная создавать тем самым миф о «советской угрозе», раздутый сегодня в США до размеров прямо-таки фантастических.

Мы помним и о том, что на следующий день после нападения фашистских полчищ на Советский Союз американская газета «Нью-Йорк джорнэл-Америкэн» выражала надежду на то, что «Европа объединится против распространения азиатского коммунизма». Итоги второй мировой войны — суровое предостережение американским претендентам на мировое господство. Всемирно-историческая победа советского народа над ударными силами империализма — германским фашизмом и японским милитаризмом — говорит сама за себя. Социализм способен противостоять любой военной силе. В этой связи позволительно не только предостеречь, но и спросить забывчивых заокеанских политиков: «Что было бы, если бы осуществились бредовые планы Гитлера, если бы на его пути не встала Красная Армия?» В те далекие теперь уже дни пели мы песню, в которой были такие слова: «Нас не трогай — мы не тронем, а затронешь — спуска не дадим». Эту песню мы помним и сегодня, но, зная, что такое война, мы решительно стоим за мир и обуздание гонки вооружений, за конструктивный диалог. Этой твердой нашей волей проникнуты ответ К. У. Черненко на обращение американских ученых, ответы Д. Ф. Устинова на вопросы корреспондента ТАСС, а также недавнее письмо министра иностранных дел СССР А. А. Громыко генеральному секретарю ООН Х. Пересу де Куэльяру. Эти важнейшие документы нашли широкий отклик у мировой общественности и средств информации.

«К. У. Черненко выступил с призывом запретить использование в космосе любых видов вооружений», — сообщает американская телекомпания Эн-би-си. «Москва», — пишет «Нью-Йорк таймс», — призывает Соединенные Штаты отказаться от планов по созданию космических вооружений». К. У. Черненко, отмечает английская газета «Таймс», предложил без каких-либо условий и оговорок начать официальные переговоры по проблемам недопущения милитаризации космоса и призвал запретить противоспутниковое оружие. «Нью-Йорк таймс» пишет об убежденности СССР в том, что переговоры об ограничении ядерных вооружений могли бы возобновиться в любое время, как только США снимут препятствия, которые они же и создали размещением своих ракет средней дальности в Европе.

Советский Союз — мирная страна. Но никакая военная авантюра империализма не застанет нас врасплох. Мы никому не позволим безнаказанно посягнуть на наш мирный труд. «Любого агрессора», — подчеркнул на встрече с рабочими металлургического завода «Серп и молот» в Москве К. У. Черненко, — настигнет незамедлительное возмездие».

ПОЛНЫ РЕШИМОСТИ

Португальская журналистка Алисе НИКОЛАУ совершила двухнедельную поездку по Никарагуа. В своей статье она рассказывает о тревожных буднях республики.

Приезжему Манагуа не сразу покажет свое лицо, ему предстоит постепенно открывать для себя город. Деревья, кусты, пыль, в домах и на улицах дым от жаровен, которые топят дровами, безжалостный зной, часто температура достигает 40 градусов в тени. В Манагуа нет ни оживленных улиц, ни больших магазинов, ни шумной толпы. Автобусов мало, они старые и всегда битком набиты пассажирами.

И всюду вы видите «компа» — молодых военных, кажущихся еще моложе, чем они есть на самом деле. Их форма защитного цвета напоминает жителям столицы: сейчас оборона — главная забота молодой республики. Ей угрожают оружием, душат блокадой. И мы имеем право спросить и знать, почему эти молодые пары вынуждены бросать школу, где могли бы столько научиться и приложить свои силы для восстановления полуразрушенной страны, и подвергать себя смертельной опасности на границе с Гондурасом и Коста-Рикой.

Читая газету «Пrensa», слушая выступления оппозиционных политических деятелей, анализируя заявления некоторых католических епископов, можно подумать, что в стране идет гражданская война.

Но это не так. Мы проехали по многим дорогам Никарагуа, были в полутора километрах от границы с Коста-Рикой, в 50 километрах от границы с Гондурасом. И, как и каждый, кто побывал в Никарагуа, я заявляю, что нет в стране какой-либо части населения, выступающей с оружием в руках против другой его части. Кто же выступает против закон-

ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

Отряд сандинистской милиции.

Фото АДН — ТАСС

ного правительства? Прежде всего это сомосовцы, солдаты и офицеры бывшей тридцатитысячной национальной гвардии диктатора Сомосы. Все годы своего существования они вели войну с «внутренним врагом», то есть с подавляющим большинством населения страны. Борьба была беспощадной и кровопролитной. Она стоила жизни десяткам тысяч патриотов. Свои налеты сомосовцы совершают с территории Гондураса в практически безлюдных зонах, откуда их чрезвычайно трудно выбить.

В районе границы с Коста-Рикой действует банда численностью около тысячи человек. Возглавляет ее Эден Пастора, которого финансирует и всячески поддерживает ЦРУ. Без поддержки извне группа Эдена Пасторы давно бы умерла естественной смертью. В свое время Пастора заявил, что выходит из борьбы по причине острой нехватки финансовых средств. Это заявление примечательно по крайней мере тем, что со всей оче-

видностью раскрывает истинную «опору» его «борьбы».

Ложной является и ссылка на то, что сандинисты якобы в одиночку удерживают власть и представляют единственно дозволенное идеологическое течение внутри общества. В Сандинистском фронте национального освобождения, в правительстве Национального возрождения сосуществуют различные идеологии и политические взгляды.

Так есть или нет оппозиция в сегодняшней Никарагуа? Есть или нет недовольство? Да, внутренняя оппозиция существует. Да, есть недовольные. Значительную оппозицию сандинистскому режиму составляет определенная часть буржуазии (хотя многие представители этого класса активно сотрудничают с революционной властью). Альянс буржуазии с контрреволюцией не вызывает удивления. Аргентинский писатель Хулио Кортасар в своей книге о Никарагуа отмечал, что буржуазия интернациональна, возможно, даже больше, чем пролетариат. Внутренняя оппозиция состоит главным образом из буржуа, отстраненных от политической власти и урезанных в правах на свободу частного предпринимательства. У этой оппозиции есть свои политические

партии, и она может участвовать в демократической пробе сил посредством голосования на выборах в ноябре этого года.

Нам представилась возможность побеседовать с одним из представителей оппозиции, и нас просто потрясла наивность, с которой этот человек собирался пожинать плоды борьбы других против Сомосы. Эти буржуа в свое время рассердились на Сомосу, который с жадностью прибирал к рукам все, что только мог. Им кажется, что 50 тысяч человек погибли только для того, чтобы освободить их от чрезмерно прожорливого конкурента — Сомосы.

Недовольство тоже существует. Возможно, даже среди тех, кто принадлежит к слоям общества, которым революция принесла наибольшие блага. Это недовольство вызвано экономическими трудностями, чему виной блокада, а также военным положением, навязанным стране извне. В разговорах порой звучат отдельные голоса, знакомые мне: десять лет назад в Португалии они говорили то же самое. Один господин даже заявил нам, будто при Сомосе нури были жирнее.

Подобное недовольство и такие излияния — неизбежная цена любых социальных преобразований. Мы хорошо знаем на собственном опыте, насколько зарази-

тельна праздничная атмосфера первых дней революционного триумфа, в котором вместе со всеми участвуют и «революционеры», способные пробыть в этом качестве не больше суток.

«Никарагуа, моя маленькая Никарагуа», — поют молодые люди в церкви Санта-Мария де Лос Анхелес, когда служат мессу пастре Урияль Молина. В церкви прежде всего бросаются в глаза лозунги в защиту независимости, суверенитета и национального достоинства. «Никарагуа, моя маленькая Никарагуа, окруженная морем и землей, все крепче сжимают тебя тиски военной блокады, моя дорогая Никарагуа».

Двух недель мало, чтобы хорошо узнать страну, не подходящую под наши привычные мерки. Но мы увидели главное: народ Никарагуа полон решимости отстоять завоевания революции любой ценой.

Манагуа — Лиссабон.

АПН — специально для «Огонька»

Девиз второго Международного музыкального фестиваля в Москве: «Музыка за гуманизм, за мир и дружбу между народами». Этот представительный форум собрал в советской столице прогрессивных мастеров более чем из пятидесяти стран.

На торжественном открытии фестиваля присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, видные деятели культуры, представители обществности, зарубежные гости. Продолжительными аплодисментами было встречено приветствие товарища К. У. Черненко участникам и гостям Международного музыкального фестиваля.

Лучшие оркестры, камерные ансамбли и солисты выступали в эти дни в концертных залах столицы. По традиции фестиваль завершается встречей за круглым столом, участники которого обсуждают проблемы, волнующие сегодня всех честных музыкантов планеты. Радость совместного творчества, его художественный результат — одно из важнейших средств на пути взаимопонимания и сближения людей.

На снимке: во время открытия фестиваля.

Фото А. Мориовкина, А. Чумичева (ТАСС)

ВЕРНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПАРТИИ

Задачам киноорганизаций по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплению материально-технической базы кинематографии» было посвящено Всесоюзное совещание работников кино, состоявшееся 18 мая в Москве.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров

СССР Г. А. Алиев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин, заведующие отделами ЦК КПСС Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, представители партийных, советских и общественных организаций, мастера кино, деятели литературы и искусства.

С большим подъемом участники совещания избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

С докладом выступил председа-

тель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш. Мысли, высказанные в докладе, продолжили и развили в прениях известные кинематографисты страны.

Тепло встреченный собравшимися на совещании выступил Г. А. Алиев.

Участники совещания с большим подъемом направили приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

В перерыве между заседаниями.

Фото И. Зотина (ТАСС)

ОБЕСЦЕНЕННОЕ ЗОЛОТО ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Владимир СИМОНОВ

Пресс-конференция Национального олимпийского комитета СССР, подтвердившая окончательность решения не участвовать в летних Играх, передавалась на Соединенные Штаты телесетью «Кейбл ньюз нетуорк». В Лос-Анджелесе передачу смотрел Питер Юберрот. Сразу после ее окончания глава ЛАООК сам появился на экране, чтобы пожаловаться зрителям, как он обижен и даже оскорблен услышанным из Москвы.

Юберрот настаивал — никакой особой угрозы для безопасности советских спортсменов он не видит: «Мы сделали все, что можно». Ему вторит государственный департамент США: «Мы пошли навстречу Советам во всем».

В чем, интересно?

Многие здешние газеты публикуют список «поблажек русским», полученный от госдепартамента. В реестре 10 пунктов: разрешение самолетам Аэрофлота совершить 25 рейсов для транспортировки советской делегации, разрешение советскому теплоходу пришвартоваться в Лос-Анджелесе, разрешение советским спортсменам прибыть без виз...

Ничего себе «поблажки»! Все то, что американские власти обязаны были сделать как хозяева Олимпиады и до последнего момента отказывались делать, сейчас подается как великодушный «шаг навстречу».

Обращает внимание, что и Юберрот и власти лишь вскользь касаются главного — проблемы безопасности. Тут они напирают

на цифры: столько-то тысяч долларов выделено на поддержание порядка во время Игр, столько-то человек будут охранять олимпийские делегации. Но ведь коалиция «Запретить участие Советов в Олимпиаде-84» тоже ворочает капиталами. Причем, надо полагать, уже не тысячами — миллионами. Их получают отовсюду входящие в нее 160 организаций — эмигранты, беглые нацисты, клерикалы, узревшие в коммунизме антихриста, наконец, просто мафия, готовая убрать любого за деньги.

По телевизору преспокойненько показывают, что приобретено на средства из этого фонда ненависти. Вот дверные железные решетки. Вот замки с засовами особой прочности. Ими снабжены конспиративные квартиры, оборудованные антисоветчиками вокруг мест олимпийских состязаний. Коалиция планировала держать там наших талантливейших спортсменов, выдающихся тренеров, пока из них выжимали бы измену Родине.

Как выжать? Федеральное бюро расследований наверняка поделилось с другими своим опытом использования наркотиков и психологического террора. Недавно «Нью-Йорк таймс» сообщила на днях: в ФБР подготовлена группа офицеров, говорящих по-русски, специально для обработки тех, кого надумают выдать за перебежчиков.

Все это называлось операцией «Свобода».

А теперь ответственные чины

из Вашингтона пожимают плечами: русские не хотят, чтобы их спортсмены встретились с нашей свободой.

В самом деле, если понятие «свобода» включает в себя свободу готовить замки покрепче и решетки потолще, чтобы запирали советских олимпийцев, разумнее не встречаться с такой «свободой». Если устроители Игр понимают проблему обеспечения безопасности как невмешательство в подготовку террористических актов и прочего физического и психологического давления на участников из стран социалистического мира, — лучше оставить устроителей наедине с прелестями собственного «гостеприимства».

Кто-то, а Джеймс Рестон, вашингтонский обозреватель с мировым именем и связями, знает, что пишет. А его мнение такое: решение русских в каком-то смысле благоприятно для будущего советско-американских отношений. Почему? «Элемент несчастного случая был слишком велик».

Конечно, жаль спортсменов — как тех, кто будет в Лос-Анджелесе, так и тех, кого там не окажется. Годы тренировок пали жертвой ненависти, которую питают в Вашингтоне к иной социальной системе. Как предлагает сегодня кое-кто из здравомыслящих американцев, коалицию «Запретить участие Советов в Олимпиаде-84» лучше бы окрестить коалицией «навредить спортсменам».

Американские атлеты глубоко

разочарованы, что среди их соперников не будет цвета мирового спорта. Кто бы ни получил золотые медали в Лос-Анджелесе, они все равно будут обесцененными.

Рональд Рейган, кстати говоря, хочет пристроиться сейчас к тем, кто сочувствует спортсменам. «Я сожалею...» — сокрушается президент. — Думаю, это несправедливо по отношению к молодым людям, которые так долго ждали, чтобы принять участие в этой Олимпиаде». Но честная Америка прекрасно помнит, что при виде олимпийского факела Рейган всегда хватался за огнетушитель. В 1980 году, тогда еще претендент на кресло в Белом доме, он с азартом поддержал бойкот Олимпийских игр в Москве, затеянный Картером. Позднее Рейган энергично добивался также отмены Олимпиады в Лос-Анджелесе. Дело дошло до того, что мэр Лос-Анджелеса Томас Брэдли обвинил президента в отсутствии «чувства гордости и патриотизма». А сегодня тот же Рейган изображает из себя первого борца за справедливость по отношению к «заждавшимся молодым людям»...

О чем же больше всего сожалеют сегодня организаторы лос-анджелесских Игр? О невеселой доле своих атлетов, у которых не будет настоящих соперников? Об олимпийских идеалах, поруганных по указке из Вашингтона?

Нет, о том, что прибыли будут меньше, чем ожидали. У телекомпаний станет меньше зрителей. И, значит, платной рекламы. У владельцев гостиниц — жильцов. У хозяев кафе и ресторанов — посетителей. Организаторов волнует одно: они переведут на свой счет на много миллионов меньше, чем в случае участия команд из стран социалистического мира.

А олимпийские идеалы? Бог с ними. Ведь на нью-йоркской бирже они не котируются...

Соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

Владимир САЛЬНИКОВ,
трехкратный чемпион
московской Олимпиады

МЫ ГОТОВЫ К СТАРТАМ

Решение Национального олимпийского комитета об отказе участвовать в Играх XXIII Олимпиады в Лос-Анджелесе застало меня и моих товарищей вдали от дома. Мы проводили совместные тренировки с пловцами Германской Демократической Республики. С чувством глубокой озабоченности все участники двух сильнейших команд Европы обсуждали сложившееся положение. И единодушно поддержали единственно правильное решение.

Многим из нас не раз приходилось выступать в США, соперничать с американскими пловцами на чемпионатах мира, на Олимпиаде в Монреале, на различных международных турнирах, в матчевых встречах. Мы неоднократно проводили по несколько недель в плавательных клубах США, тренируясь на одной дорожке с лучшими пловцами Америки. И всегда между нами царила атмосфера дружбы и мира. Мы никогда не рассматривали своих соперников как врагов.

Хорошо помню заплыв на 800

метров в июле 1983 года на предолимпийской неделе в Лос-Анджелесе. Тогда я победил не только сильнейших пловцов США, но и установил мировой рекорд — 7 минут 52,33 секунды. Трудно передать ликование истинных болельщиков, умеющих по достоинству оценивать рекорды. Меня поздравляли, желали успеха на Олимпиаде.

В те дни никто из недоброжелателей, а тем более открытых провокаторов даже не пытались приблизиться к бассейну, но мы и тогда знали, что реакция не дремлет, а готовится, что час подлых выступлений впереди. Однако мы не могли предположить, что официальные власти США и города, которому доверено проведение Олимпийских игр, не только оставят действия антисоветских и антисоциалистических организаций без внимания, но и дадут им свое молчаливое благословение.

Никто из советских спортсменов не хочет стать объектом шантажа и угроз, а тем более физической расправы. Мы знаем, на что спо-

собны люди, если таковыми их можно назвать, потерявшие разум в ненависти ко всему советскому. О чем можно говорить, если они додумались выпустить знак с призывом «Убей русского»!

Прошлой осенью, в начале октября, лучшие советские спортсмены, кандидаты и члены сборной олимпийской команды, собрались на свой традиционный сбор-поверку. Нет ничего более величественного и торжественного, чем ритуал священной клятвы на верность Родине, на верность партии и народу. На оперном театре в Крымском полуострове, на героической земле Севастополя провели мы свое партийно-комсомольское собрание, до конца проникаясь высокой ответственностью.

Летний спортивный сезон начался. Я могу с уверенностью сказать, что из тех, кто принимал присягу, все успешно прошли первый этап подготовки и, несмотря на то, что по вине американской администрации мы лишены возможности участвовать в Олимпиаде, готовы к главному старту года.

См. стр. 26.

ЖИВАЯ ВОДА НОВИЗНЫ

В. ЗЛОБИН,
генеральный директор
объединения
«Киевтрактородеталь»

К началу семидесятых годов наш завод оказался в очень сложном положении. Мы росли вширь, едва поспевая за планом. А производство у нас по условиям труда тяжелое: большой процент литья и заготовочных работ. Горячий металл разливали вручную. Заготовки не мелкие — изготавливаем тракторные детали и узлы, пудовые гильзы цилиндров, и счет им ведется на миллионы и десятки миллионов. Не легче было и в обрабатывающих цехах, не хватало рабочих. Люди приходили и уходили, не успев полной мерой отдать производству то, что было затрачено на их обучение.

Выход виделся один — в механизации и автоматизации производства. Мы это хорошо понимали, но необходимых нам станков, а тем более автоматических линий никто не выпускал. Их надо было придумывать самим и изготавливать самим на базе универсального оборудования. Вот тогда партийный комитет завода принял решение о создании творческих бригад. В них включали ведущих инженеров, техников, лучших рабочих, и каждой бригаде ставилась определенная цель.

Я сторонник осторожного отношения к громким словам, но с высоты прошедших лет могу сказать, что решение парткома по своему воздействию прозвучало как клич: «Коммунисты, вперед!» Дело в том, что люди, вошедшие в творческие бригады, не освобождались от ежедневной ответственности за судьбу текущего плана. Для творческой работы у них оставались обеденные перемены, вечерние часы, а в цехах — время ремонтов и любых вынужденных остановок.

Первый успех пришел в бригаду, которую возглавлял Виталий Максимович Падука. Созданный ими оператор был запущен в производство без длительного опробования, с доработками на ходу. На его базе затем стали создаваться автоматические линии, которые ныне работают на многих заводах, высвобождая сотни рабочих.

Были, конечно, и неудачи. И людям, добровольно взявшим на себя дополнительные хлопоты, приходилось еще и выслушивать упреки... Однако будущее всегда оказывалось за оптимистами. Нашей гордостью стал автомат для шлифования цилиндров. Три года поисков, пять авторских свидетельств, мучительная ломка старых представлений, крупный успех и глухая стена неудач. И все же автомат был создан, его внедрение в пять раз повысило производительность труда на одной из самых массовых операций.

Эта работа с особой остротой подтвердила, сколь необходима производственным помощью ученых. В автоматическом режиме стал быстро изнашиваться инструмент. Шлифовальные бруски приходилось менять через каждые полчаса. Какая же это автоматика! Мы обратились за помощью к спе-

циалистам Института сверхтвердых материалов... Чтобы читатель представил себе масштабность проведенной работы, придется привести несколько цифр. В нашей стране ежегодно производится 12 миллионов тракторных гильз (их можно назвать сердцем двигателя). Больше половины общего количества — семь миллионов гильз — выпускают предприятия нашего объединения. Совместная работа с Институтом сверхтвердых материалов, в которой потом приняли участие ученые из Института химии высокомолекулярных соединений, позволила создать новый технологический процесс обработки, на 30 процентов увеличивший долговечность двигателя. Полученный эффект равнозначен дополнительному выпуску сотен тысяч тракторов при тех же затратах труда и материалов.

Одна из особенностей нашего производства, как я уже говорил, — огромная доля литейных работ. Труд литейщика — это тяжелый труд. Много лет мы бились над тем, чтобы облегчить его, переложить на плечи машин, но безуспешно. И вот однажды кто-то из сотрудников привел ко мне в кабинет молодого сотрудника Института проблем литья. Познакомились: Виталий Петрович Полищук. Эту встречу я запомнил. Предложение Полищука показалось мне тогда несколько фантастичным. Но желание облегчить труд людей, которые вручную переносят сотни тонн жидкого металла, было столь велико, что я согласился на проведение работ. А хлопот было очень много: мы изготавливали специальное оборудование, устанавливали его в потоке производства, что мешало ежедневной плановой работе, которая и без того велась, можно сказать, в стрессовом режиме.

Новая разработка затонула на несколько лет, было изготовлено, опробовано и... забраковано два варианта машины, причем все это в тесноте действующего цеха. И лишь третий вариант, как говорят, пошел. Сейчас жидкий чугун разливается, смело можно сказать, будто газированная вода. Конвейер подает формы, которые на время останавливаются у разливочной машины, оператор нажимает кнопку — и точно отмеренная порция огненного металла выливается в форму. Ныне изготовлено больше трех десятков таких машин. Они действуют уже на многих заводах. Эта работа была отмечена Государственной премией УССР.

Сейчас мы сотрудничаем с 24 научно-исследовательскими организациями. Коренным образом изменились у нас условия труда: в основном производстве он механизирован на 88,5 процента. Все изделия массового производства ныне изготавливаются на станках-автоматах или автоматических линиях. Производительность труда в объединении, если

сравнить с началом 9-й пятилетки, выросла в 2,3 раза. Например, в одном из цехов 752 человека выпускали за год 2145 тысяч гильз. Ныне же в этом цехе работают 423 человека, а выпускают они более трех с половиной миллионов гильз. Такие же примеры можно привести по цехам поршней, редукторов и другим. По итогам прошлого года наше объединение впервые поставило все до единой детали всем своим многочисленным заказчикам.

Выступая перед трудящимися Куйбышевского избирательного округа Москвы, товарищ К. У. Черненко говорил: «Нам абсолютно необходимо обеспечить быстрое и непрерывное обновление всех отраслей народного хозяйства на основе современных достижений науки и техники. Это — одна из наших коренных задач. Без этого прогресс общества просто невозможен».

Это глубокое и четкое указание заставляет еще и еще раз внимательно присмотреться к сложившимся ныне отношениям между наукой и производством. У коллектива нашего объединения на первый взгляд нет причин сетовать на недостаточность или непрочность творческих связей с наукой. И все же, когда начинаешь вспоминать, как эти связи устанавливались... В одном случае кто-то из сотрудников привел ко мне в кабинет своего знакомого, в другом — я был в праздничной компании, где встретил товарища по институту, и за далеко не рабочим столом выяснилось, что круг его научных интересов затрагивает некоторые «больные» места нашего производства. Подобное же случайное стечение обстоятельств позволило нам наладить сотрудничество с учеными Института химии высокомолекулярных соединений. Иначе кому бы пришло в голову искать что-то общее в работах этого института и чисто машиностроительного производства!

Вывод очевидный, хотя, может, и несколько неожиданный: у нас еще нет универсальной системы или посреднического органа, где стыковались бы поиски ученых с конкретными нуждами промышленного производства. При нынешней специализации предприятий, когда на каждом множестве своих, весьма специфических проблем, технических и технологических задач, универсальные рецепты зачастую неприемлемы. Скажем, нужно решить локальный, интересующий только эту отрасль или даже один завод вопрос. С кем его решать, у кого просить помощи? Этот вопрос часто висит в воздухе. С другой стороны, ученые, совершив серьезное изобретение, разработав новую технологию, не могут найти им широкое применение. Взаимный поиск заинтересованного партнера сложен и не всегда успешен. Где узнать, какой институт проводит работы в том или ином направле-

нии? Возможно ведь, что уже есть готовая разработка или она еще только ведется, но, обобщив усилия производственников и ученых, ее можно скорее завершить... Наши попытки решить этот вопрос с Академией наук УССР пока ничего не дали.

Не берусь предсказывать конкретные формы посреднического органа, но необходимость «обеспечить быстрое и непрерывное обновление всех отраслей народного хозяйства» требует его создания.

XXVI съезд КПСС поставил перед экономикой страны задачу максимальной интенсификации производства, которая невозможна без постоянного притока новых, более прогрессивных решений. Такие решения — своего рода живая вода общественного развития. Поэтому не могу, хотя бы вскользь, не сказать о проблеме долговечности машин и деталей, которая ныне поднимается несколько в ином плане.

Минувшей осенью мне довелось принимать участие в работе Всемирного совещания по проблемам машиностроения, которое проходило в Женеве. В официальном документе, подготовленном международными экспертами на основе статистических данных, указывалось, что к 1990 году СССР выйдет на второе место в мире (после Японии) по применению промышленных роботов. Это заключение (не нами сделанное, повторяю) заставило досадливо поморщиться представителей некоторых высокоразвитых западных стран. Однако роботизация как направление развития производства уже, можно сказать, наш сегодняшний день. А завтра?

На том же совещании говорилось, что с ростом автоматизации производства резко увеличивается доля ремонтников, наладчиков... С другой стороны, всерасширяющееся тиражирование машин и механизмов ведет к истощению природных ресурсов. Поэтому в перспективе на первое место снова выдвигаются вопросы качества. Однако имеется в виду не старое, разжиженное понятие, в которое включалось и соответствие стандарту, и товарный вид, и художественная ценность многих изделий. Нет, ныне берутся совершенно конкретные признаки — надежность и долговечность. Каждая машина, станок, прибор должны требовать минимальных затрат труда на поддержание их в рабочем состоянии и служить без замены многие годы.

На это сейчас направляются усилия наших лабораторий. Тут и опыты по упрочнению деталей, применению плазмы, электронного луча — в общем, непочатый край работ. Есть и первые успехи. Поршни, изготовленные с помощью плазменного переплава, уже пошли в серию, применяются электроскопическое упрочнение поверхности деталей... Это только начало, но за ним — будущее.

1932 год. Делегаты партийной конференции отряда. В верхнем ряду второй справа парторг заставы К. У. Черненко.

28 МАЯ — ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

НА ДАЛЬНОЙ ЗАСТАВЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото автора

Апрель 1924 года. Юго-восточная граница Казахстана. В поселках, аулах и маленьких городках укрепляется Советская власть. Открываются первые школы, строятся первые больницы, собираются первые урожаи, которые не нужно отдавать баю, начинает действовать старинный торговый путь Кульджа — Джаркент.

Но ушедшим за границу белогвардейцам и басмачам это не по душе. Они сколачивают банды, организуют группы контрабандистов, совершают налеты на поселки, убивают активистов, грабят местное население. Пограничники Джаркентской комендатуры насмерть бьются с басмачами, перехватывают контрабандистские караваны, выявляют лазутчиков... Но тайных троп много, банды многочисленны, поэтому пограничники не всегда успевают вовремя. Чтобы перекрыть одно из важнейших направлений, на котором наиболее часто нарушается граница, 24 апреля на окраине старинного аула выставляется погранзастава «Хоргос».

С первых же дней бойцы заставы в самом прямом смысле слова сутками не вылезали из седла и не выпускали из рук клинка. А тут еще малярия, жуткая жара, постоянный недо-

статок воды и продовольствия — порой жили за счет охоты, и тревоги, тревоги, тревоги... Не проходило дня, чтобы не раздавалась команда: «Застава, в ружье!» Больные, измученные, а то и раненые пограничники снова садились в седло. Бывали случаи, когда бойцы сами привязывали себя к лошади, чтобы не упасть от слабости, и, сцепив зубы, держась на одной злости и ярости, мчались навстречу сытым, откормленным, хорошо вооруженным, сидевшим на породистых скакунах сынкам баев и недобитым белогвардейцам.

Уверенные в себе и своей силе, бандиты не всегда спешили уйти за границу, порой они разворачивали лошадей и принимали бой. Как правило, это был их последний бой! Пограничников раз в десять меньше, сами худые, лошади истощенные, в руках шашка, за спиной карабин — другого оружия просто не было, но какая сила в этих руках, каким огнем горят глаза, какой верой в правое дело пылают сердца! В истории заставы описана, казалось бы, неправдоподобная операция, но она была... В районе озера Алтын-Куль сосредоточилась большая банда. На ее разгром выехало пять пограничников во главе со своим командиром В. Т. Хреновым. Зная тропы,

по которым могут ходить бандиты, пограничники затаились в камышах. Чтобы отрезать пути отхода, двоих бойцов командир послал в обход. И вот забулькала вода, зашуршали камыши. Через минуту на открытое место выехало множество всадников. Вдруг с тыла загремели гранаты — это был сигнал к атаке.

— Шашки к бою! За мной! — скомандовал Хренов и ринулся в самую гущу всадников.

Пять клинков замелькало в воздухе, разя бандитов.

— Бросай оружие, или всех перебьем! — перекрывая шум боя, крикнул Хренов.

И бандиты сдались. Восемьдесят пленных и сто лошадей привели пограничники на заставу. Пятеро против ста! Представить трудно, что при таком соотношении сил можно победить. Оказывается, можно. Но для этого нужно быть советским пограничником.

И вот на эту заставу пришел служить пограничник Константин Черненко: в пограничную охрану ОГПУ он пошел добровольцем осенью 1930 года. Время было горячее. Застава не выходила из боев. В схватках с бандитами молодой боец проявил недюжинную отвагу и мужество. Он метко стрелял из винтовки

и ручного пулемета, без промаха бросал гранаты. Кроме того, он слыл хорошим кавалеристом и на охрану границы всегда ездил старшим пограннарядом.

Свободного времени было мало, очень мало, но, когда выдавались такие минуты, Черненко занимался самообразованием, много читал, выступал с докладами, проводил политбеседы с местным населением. В этом ему помогал опыт комсомольской работы, приобретенный еще до службы на границе.

Народу на заставе мало, каждый там на виду, и сразу ясно, кто чего стоит. Сослуживцы быстро заметили и организаторские способности своего товарища, и его боевые качества, поэтому вскоре единогласно избрали секретарем партийной ячейки заставы. А в феврале 1932 года К. У. Черненко был делегатом партийной конференции погранотряда.

Шли годы... Товарищ Черненко никогда не забывал своего погранотряда и родной заставы. Он регулярно присылал письма, телеграммы, не забывал поздравить пограничников с Новым годом, Первомаем, годовщиной Октября. А в мае 1978 года, когда отряд был награжден орденом Красного Знамени, К. У. Черненко прислал теплую, сердечную телеграмму:

«Дорогие товарищи! Искренне поздравляю вас с праздником 60-летия пограничных войск и награждением отряда высокой наградой Родины — орденом Красного Знамени. Вам трудно представить, как эти события волнуют нас, пограничников 30-х годов. Спасибо вам, дорогие товарищи, за то, что вы воспитываете наших славных пограничников на добрых традициях отряда. Многие поколения пограничников внесли свой вклад в становление и укрепление отряда — и дело чести сохранить эти добрые традиции, этот опыт и приумножить их.

Мы хорошо знаем, товарищи, что вы находитесь на переднем крае, и помним это. Родина надеется и ждет от вас новых успехов. Мечтаю побывать у вас при первой же возможности. А сейчас желаю вам, всем вместе и каждому в отдельности, доброго здоровья, всяческих успехов и личного счастья».

Эта мечта сбылась. В августе 1979 года К. У. Черненко прибыл на торжество по случаю вручения отряду ордена Красного Знамени. На собрании, состоявшемся в районном Доме культуры, Константин Устинович Черненко говорил:

— Скажу откровенно, товарищи, мне очень приятно быть вместе с вами в этот праздник, выступать перед пограничниками. Для меня, бывшего пограничника, сегодняшнее событие волнующе вдвойне: именно в вашем пограничном отряде началась моя воинская служба, когда я добровольцем прибыл сюда в 1930 году.

Годы этой нелегкой, тревожной и волнующей службы навсегда запечатлелись в моей памяти, я всегда думаю о них с искренней теплотой и благодарностью. Именно здесь произошло одно из главных событий в моей жизни — я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза. Здесь коммунисты-пограничники избрали меня секретарем партийной организации. И с тех пор смыслом и содержанием всей моей жизни стала партийная работа. Вот почему мне так дорого это поручение — вручить вам награду Родины...

Вы знаете, что для Советской страны начало тридцатых годов было непростым периодом, но его пафос состоял в наступлении социализма на всех направлениях государственного, хозяйственного и культурного строительства. Вся страна была охвачена трудовым энтузиазмом...

Служба на границе была пределом мечтаний для нас, тогдашних комсомольцев. А когда мечта сбывалась, то молодежь стремилась оправдать высокое доверие и с честью до конца выполнить свой долг.

Ныне границу охраняют внуки тех, кто самоотверженно защищал ее в суровые предвоенные и военные годы. Но я невольно ищу в облике сегодняшних пограничников черты часовых границы 30-х годов. И вижу мужест-

Отлично несет службу бывший технолог по обработке металлов сержант А. Сомков.

В свободное время пограничники охотно читают книги из библиотеки, подаренной заставе К. У. Черненко.

Бдительно наблюдает за обстановкой на границе рядовой А. Кайгородов.

В секрете сержант Л. Щербук со своим верным Джимом.

венные, одухотворенные лица солдат, безраздельно преданных делу партии, своей социалистической Отчизне, делу своих отцов и дедов. В этом — преемственность поколений пограничников, верность героическим традициям нашего славного народа, традициям пограничных войск. Тревоги, наряды, учеба — из этого складывались наши пограничные будни, такими они остаются и сегодня. Как для нас, воинов-пограничников 30-х годов, так и для вас, кому вверена охрана рубежей страны в 70-е годы, главным было и остается огромная ответственность, высочайшая собранность и бдительность, постоянная готовность защитить покой границы от любых посягательств.

В том же выступлении К. У. Черненко нарисовал образ воина-пограничника.

«Товарищи, каким сохранился в моей памяти воин-пограничник? Прежде всего это идейно убежденный боец за справедливое ленинское дело, это храбрый и смелый человек, умеющий ориентироваться в любой обстановке, в любых условиях, человек, твердо определивший свои жизненные позиции, свои идеалы и готовый грудью встать на защиту нашего Отечества.

Эти и другие слагаемые образа пограничника я пронес через всю свою жизнь и убедился, что для этого необходима систематическая учеба, чтобы пограничник был верен воинской присяге, уставам и положениям, определяющим суть воинской службы. А для этого нужно учиться, учиться и еще раз учиться, глубоко и всесторонне изучать военное дело, совершенствовать свои политические знания, идти всегда в ногу с событиями, происходящими в нашей стране.

В том, что молодые пограничники обладают всеми этими чертами, я убедился, побывав на заставе «Хоргос». Начальник заставы старший лейтенант С. В. Белан — энергичный, подтянутый, худощавый, — а все пограничники выглядят как легкоатлеты-стайеры, потому что бегать им приходится немало, — в ответ на мой вопрос, часто ли приходится поднимать заставу «В ружье», ответил:

— К сожалению, гораздо чаще, чем это по силам человеку, не имеющему специальной подготовки. Нагрузки у пограничников большие. Но ребята у нас бодрые, спортивные, все отлично стреляют, при задержании каждый стоит троих, а то и больше. Многие имеют знаки «Отличник погранвойск», а заслужить их непросто.

Вот, например, был такой случай. Темной ночью пограничный наряд обнаружил следы диких животных. Сержант Ожгихин присмотрелся внимательно и различил среди них отпечаток ноги человека. Поставил на след собаку. Она уверенно повела по оврагам, по руслу речки, пескам. Что только ни делал нарушитель, чтобы уйти, но пограничники его задержали.

А потом несколько дней я жил жизнью заставы. Я видел, как пограничники вскакивают по тревоге, упражняются в стрельбе по мишеням, мотаются на машине по степи, карабкаются по барханам... В свободное время читал книги из библиотеки, подаренной заставе К. У. Черненко, рассматривал фотографии в альбоме, на первой странице которого рукой товарища К. У. Черненко написано: «На добрую память о погранзаставе. С приветом. К. Черненко. 16 августа 1979 года». А когда спадала жара, вместе с ребятами — детьми офицеров, поливал ореховое деревце, посаженное К. У. Черненко.

...Уезжал я ранним утром. Поднималось багряное солнце. С гор тянуло прохладой. Даже птицы не проснулись. Тишина... Обманчивая тишина. Совсем рядом граница. И чтобы никто не смог нарушить покой близлежащих поселков и дальних городов, покой всей нашей страны, в этот час, в каждую минуту, в дождь, холод, снег и зной, на своих постах, в нарядах и в тревожных группах несут свою нелегкую службу воины в зеленых фуражках — храбрые и смелые люди, готовые грудью встать на защиту нашего Отечества.

ОКтябрь

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «ОКТЯБРЬ»

Один из лучших наших литературных журналов, «Октябрь», отмечает в мае свое шестидесятилетие. В 1924 году, когда молодая советская литература только начала свой путь, был создан журнал «Октябрь», ставший центром объединения творческих сил пролетарских писателей.

В разные годы журналом руководили крупнейшие писатели, чьи имена вошли в золотой фонд советской литературы. Александр Серафимович, Федор Панферов, Всеволод Кочетов сделали неоценимо много, чтобы журнал стал форпостом литературы социалистического реализма.

С первых лет существования вокруг журнала объединялись прекрасные художники слова, люди смелые, честные, открытые сердцем. Достаточно вспомнить Д. Фурманова, Ф. Гладкова, А. Фадеева, Б. Горбатова и многих других,

кто не только печатал в нем свои произведения, но и всемерно способствовал росту авторитета журнала.

Именно на его страницах публиковались главы «Разгрома» и первая часть «Последнего из удэге» А. Фадеева, «Баня» В. Маяковского, «Бруски» Ф. Панферова, «Страна Муравия» А. Твардовского, «Школа» А. Гайдара, «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского. Огромным событием для всей советской и мировой литературы стало появление в журнале первой книги «Тихого Дона» Михаила Шолохова.

В январском номере журнала «Октябрь» за 1932 год Федор Панферов призывал писателей «прощупать жизнь собственными руками». В этих словах сфокусирована целая программа, которой следует журнал на всем пути своего развития. Пламя современности не угасает на его стра-

ницах. Проза, публицистика, поэзия, критика журнала остроактуальны, всегда поднимают самые насущные, злободневные вопросы. В разные годы в журнале «Октябрь» печатались А. Жаров, М. Светлов, И. Сельвинский, М. Исаковский, Н. Ушаков, Э. Багрицкий, Дм. Кедрин, Вл. Луговской, П. Антокольский, Е. Долматовский, М. Бажан, К. Симонов, А. Корнейчук, О. Гончар, С. Михалков, Б. Полевой, А. Чаковский, Н. Грибачев, В. Заруткин, С. Бабаевский, С. Сартаков, Е. Исаев и многие другие известные советские писатели.

Журнал «Октябрь» всегда был в первых рядах борьбы за утверждение в нашем обществе литературы социалистического реализма, за ее высокую идейность и партийность. Страстные, принципиальные статьи критиков «Октября» играли значительную роль в литературном процессе. Отдавая огромное внимание современности, журнал уделяет немалое место и классике. Все большее внимание привлекает его рубрика «Из прошлого отечественной словесности», где публикуются значительные материалы по истории русской литературы.

Оставаясь верным принципам, заложенным при основании журнала, «Октябрь» установил литературные посты «На земле Тюменской» и «В Российском Нечерноземье». В этом ярко выразилась тенден-

ция, всегда свойственная журналу, — единение литературных идей с практикой современной жизни. «Литературный пост «В Российском Нечерноземье», — писал один из читателей, — это набат народный. Он говорит о том, что болит в душе людей».

Если перелистать страницы «Октября» за последние годы, можно особенно отметить обостренное внимание редакции к жанру политического романа. Острые, актуальные проблемы эпохи отражены, например, в произведениях «На краю ночи» Д. Краминова, «Лицо ненависти» В. Коротича, «Дерево в центре Кабула» А. Проханова.

Многосторонность художественного облика журнала «Октябрь» позволяет его читателям наряду с остро социальными произведениями знакомиться и с таким популярным сейчас жанром, как историко-биографическая, документальная проза. Несомненно, ценны художественно — биографические исследования А. Кузнецовой о Наталии Николаевне Пушкиной, повесть Ю. Когина о Тютчеве, повесть Ю. Нагибина «Рахманинов».

Читатели журнала «Октябрь» с интересом и вниманием раскрывают каждую его новую книжку, зная, что их ждет встреча с полюбившимися и новыми интересными именами, ждет встреча с настоящей литературой.

В. ПЕТРОВ

Г. ПЕТРУХИНА,
депутат Верховного Совета СССР,
электрослесарь горно-обогатительного
комбината «Алданзолото»

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Более пятнадцати лет назад постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР было утверждено «Положение об органах народного контроля в СССР», в котором говорилось: «Всей своей деятельностью органы народного контроля призваны развивать у советских людей чувство хозяина страны, чувство высокой ответственности каждого за дела всего общества».

И вот передо мной книга «Ни слова против совести» о работе народных контролеров. С большим интересом прочла ее. Она познакомила со многими дозорными, на конкретных примерах видно, как широка сфера их внимания. Это и производственные вопросы, и проблемы хозяйственные, и социально-бытовые, это борьба против нарушений трудовой дисциплины, против очковтирательства, против бюрократизма. Это, наконец, поддержка всего нового, полезного, это помощь людям в их нуждах. Все эти вопросы мне близки — я уже

Ни слова против совести. М., Политиздат, 1984, 192 с.

2. «Огонек» № 22.

много лет член комитета народного контроля Алданского района, работаю в группе народного контроля на своей Нижне-Курнахской золотонизвлекающей фабрике.

Деятельность дозорных требует принципиальности и бескомпромиссности по отношению ко всяческому злу. «Не имеем мы права прощать никому никакой нечестности! Всем нам, рабочим, в народным контролерам, в первую очередь, неловко должно становиться не оттого, что встречаешь в «чужое» дело, а оттого, что не вмешаться», — говорит В. В. Пелин, один из трех с половиной тысяч дозорных «Ростсельмаша». Именно так: «Не прощать никому». В своем районе мы применили строгие меры к строителям «Якутцветметстроя», сдающим жилые дома низкого качества, с большими дефектами, практически непригодные для заселения. Привлекли к ответственности директора и агронома совхоза «Пятилетка», не обеспечивших своевременную уборку капусты, и она оказалась поруганной под снегом.

Между тем любое вмешательство требует от народного контролера душевной твердости, умения сказать правду в глаза, не боясь, как говорится, испортить отношения. Дозорный «премий не выписывает, а вот спросить за упущения в работе — за этим у него дело не станет», — говорит работница Уфимского нефтеперерабатывающего завода имени XII съезда КПСС Н. И. Нечаева и добавляет: — Если к обязанностям народного контролера относиться серьезно, со всей ответственностью, то быть им, ох, как просто».

Спора нет, конечно, непросто, но зато как хорошо, как радостно, когда изживаются недостатки, когда торжествует справедливость!

В книге, о которой идет речь, рассказывается, например, о таком случае. Животноводческая ферма откармливала скот высшей упитанности, а мясочкомбинат в актах указывал упитанность среднюю. Туда отправились народные контролеры из колхоза (их, кстати, встретили с большим неудовольствием), «целые сутки проверяли прохождение продукции от приемы до холодильника, часами у весов стояли». И нашли... жуликов, которые воровали мясо и занижали оценку упитанности, чтобы покрыть недостачу. Виновные, разумеется, были наказаны, а у тружениц фермы и настроение поднялось и работа стала лучше сподобиться.

Очерки, составляющие эту книгу, написаны разными авторами — писателями, журналистами, рабо-

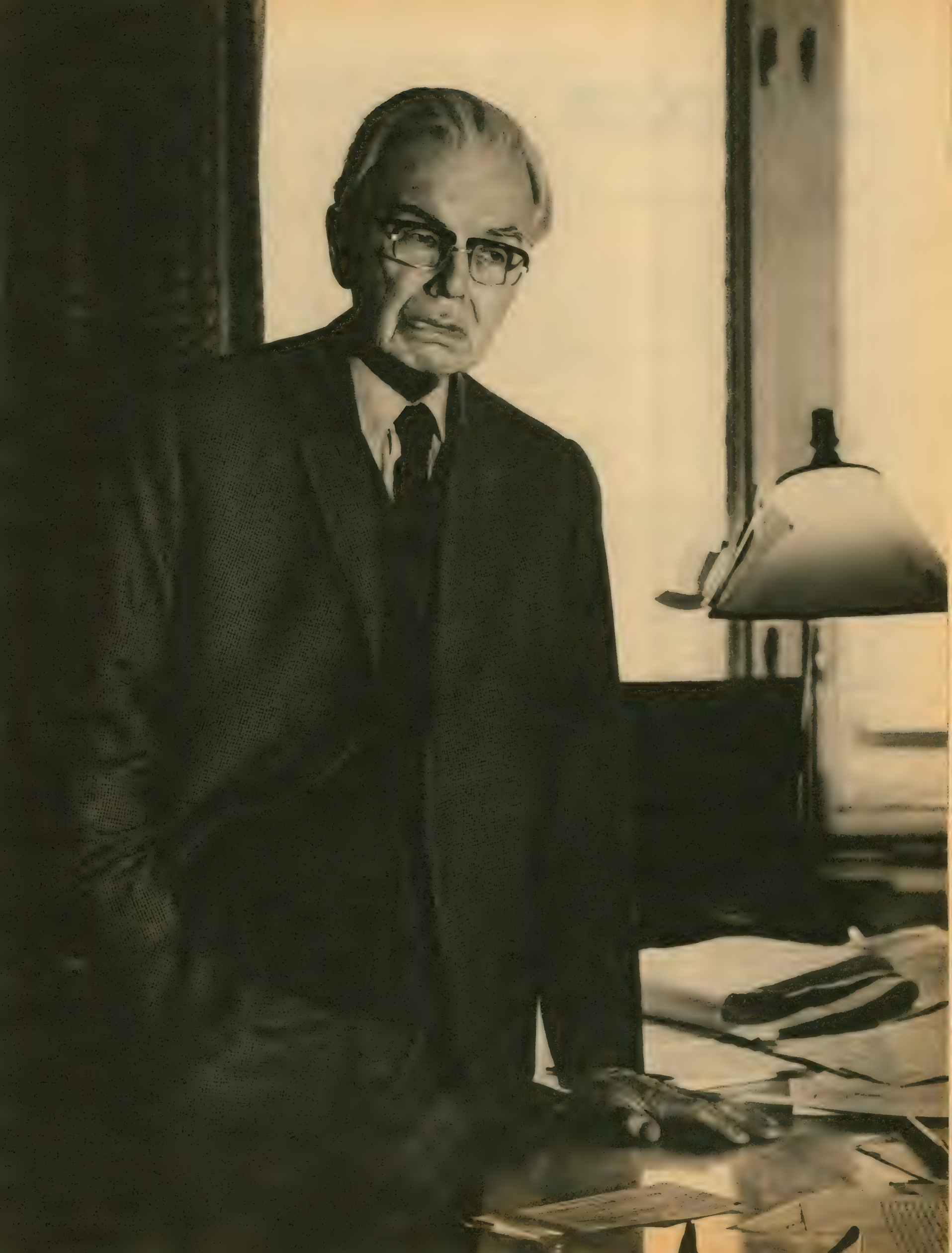
НИ СЛОВА ПРОТИВ СОВЕСТИ

Владимир Ильич Ленин считал, что работники органов контроля должны быть беспристрастны, преданы партии, делу коммунизма, честны и неподкупны: такие люди, за которых можно ручаться, говорил он, что ими из слова не вынут на веру, на слова не свалют против совести, не побоятся никакой борьбы для достижения поставленной цели.

Ю. И. ПЕЛИН

чими. Героев этих очерков мы видим в самых разных местах: в цехе завода и на колхозном поле, на строительстве БАМа и за кулисами театра. Это люди разного возраста, разных профессий, с разными характерами. Но в главном они едины: в своем гражданском мужестве, в остром чувстве справедливости, в непримиримости ко всему, что мешает нам жить.

Что хотелось бы сказать в заключение? Полезно было бы выпускать почаще такие сборники — они своего рода трибуна по обмену опытом, — расширить круг авторов — самих контролеров.

Леонид Леонов

Сергей САРТАКОВ

*...Мой сын, а если суждено
Тебе в столице жить,
И даже, может быть, должно
Певцом народным быть,
То в песнях пламенных твоих
Ты не криви душой,
Мой сын, пусть будет чист твой стих,
Как чист родник живой.*

М. Л. Леонов «Заветы сыну».

Мне часто приходят на память эти строки, когда я перечитываю книги Леонида Леонова, когда при случае веду с Леонидом Максимовичем обычный житейский разговор. Впрочем, не такой уж и обычный, потому что Леонид Максимович в разговорах никогда не опускается до мелочей жизни. Они не предмет для интересной беседы. Писатель Леонид Леонов занят глубокими философскими, нравственными и государственно значимыми проблемами. Время для него всегда, так я представляю, и мысленно видится как бы с большой буквы. Мир, окружающий Леонова, и внутренний мир самого Леонова построен в крупных измерениях.

Его романы, его публицистические книги — это последовательные страницы быстро бегущего великого Времени. Твердо остановленного на мгновение в «стоп-кадре» рукой художника, чтобы схватить и передать в живописных, созданных силой слова зримых образах сущность его движения, движения жизни. А ведь жизнь на протяжении его литературного пути, к нашим дням насчитывающего по «верстовым столбам» ровно столько же, сколько и революционный послеоктябрьский путь родной земли, жизнь общественная развивалась с крутыми изломами. Нужен был весьма острый взгляд художника, горячее сердце патриота и хладнокровие исследователя, чтобы в этих крутых изломах уловить их основные различия между собою, правильно оценить их значение для судеб Страны Советов и найти проникающие в душу каждого человека социальные — и очень красочные — приметы времени. Все это счастливо соединилось в мастерстве писателя Леонида Леонова.

О разном и писать надо по-разному. Не теряя ни в чем своей, леоновской, доминанты, однако же и неустанно создавая художническим вдохновением тончайшие оттенки в словах и в стиле письма, восходящие от народного творчества. Леонов это может как никто, это его стихия. И его стихия — в капле воды зорко улавливать четкое отражение большого мира, величавое течение могучих светлых рек,

штормы, сотрясающие океан. Исторические полосы развития социалистического уклада жизни постепенно встали на страницах леоновских произведений в один дисциплинированный ряд. Но не по ранжиру, и не в схожем обмундировании, и тем более не по своим характерам. Общность строя — лишь в безмерной боли сердца писателя за те муки, которые выпали на долю Родины, и лишь в безмерной любви к ней, в стремлении посвятить ее возвышению без остатка всю свою жизнь.

Ровен ли всегда был шаг этого строя? Нет, не ровен. Да ведь и не на парад его выводил Леонид Максимович. А в работу. В ту еще работу, когда плотину на Волхов-реке насыпали грабарками и тачками и аэропланы, заходящие на посадку, случалось, подбивало ветром под крыло и переворачивало вверх колесами. Где же тут было тогда — и зачем? — выстрегивать на корню из живого ветвистого дерева гладкие телеграфные столбы? Иная работа была времен «Скutareвского» или «Русского леса», иные были нужны, говоря фигурально, даже точки и запятыя, иной ритм дыхания в движении фразы, иная образная наполненность каждого слова.

Множество литературных приемов в молодости и позже испробовал на листах строптивой бумаги писатель Леонов. Что-то не понравилось отдельным читателям, что-то взбодрило критиков, а что-то и ему самому. Главное, самому. Когда гранят алмаз, верят только собственному глазу и твердости собственной руки. И писатель достиг своего.

«Слова у Леонова светятся», — скажет о нем А. М. Горький. И еще скажет: «Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и — для больших дел».

А большие дела Леонида Максимовича — его монументальные книги. Завораживающие читателей правдой, честностью, триединством в них строгого философа, взыскательного художника и пламенного гражданина.

Его большие дела каждого дня — это защита природы, окружающей нас среды обитания страстным писательским словом; защита от недалеовидных делег и хозяйственников, добывающихся только сиюминутной выгоды в ущерб грядущим поколениям; защита, еще более трудная, от обывателей и браконьеров, для которых вообще нет ничего святого и сила убеждения на которых действует мало.

Его большие дела — действительно работающая мысль в заботах и борьбе за сохранение мира, против угрозы новой войны. Звучат набатно его публицистические статьи и речи, разоблачающие варварство фашизма и нарождающуюся на его тлене новую генерацию человеко-ненавистников, апологетов атомной войны, го-

товых стереть с лица земли тысячелетнюю цивилизацию и все живое в надежде, между прочим, самим укрыться от возмездия подобно испуганному мистериу Мак-Кинли в бетонных бункерах.

И есть еще одно большое дело у Леонида Максимовича — это передать достойной смене как можно полнее свой жизненный и творческий опыт. Глубоко символически заключительные слова в романе «Русский лес», сказанные о Вихрове, выразителя многих дум самого Леонова: «Тогда, волнуясь и покашливая, Иван Матаевич переступил порог, напустив на лицо то неопределенно-замысловатое выражение, с каким и надлежит всяким там старичкам появляться среди молодежи». Что подделает, закон природы: дети всегда должны идти дальше своих отцов, иначе развитие жизни, движение прогресса остановится. И разве не возникает в иной час перед «племенем молодым, незнакомым» известного чувства робости у «всяких там старичков», когда они должны со вниманием вслушиваться в голоса своих бывших учеников, по праву становящихся уже учителями?

Леонид Максимович не стесняется этого чистого, родникового чувства. Ему памятен завет своего отца. И он в предчувствии обязательного появления подобного себе великого труженика и великого мастера своего дела сливается душой с молодежью. Скольким из молодых он дал бесценные советы на долгий и непростой литературный путь, скольким явил, как образец, свой собственный пример — не счесть! А этот образец, словно вершины Памира, словно выход в открытый космос, не так-то просто достигаем.

Многие критики и литературоведы считают, что талант молодого Леонида Леонова в значительной степени развивался и сформировался под влиянием Ф. М. Достоевского. Прекрасные истоки. Говорят, что он обласкан и выведен на твердую стезю А. М. Горьким, и потому — его замечательный последователь в части понимания общественной роли писателя, как воспитателя в народе высоких моральных качеств строителя коммунистического общества. Прекрасная преемственность. Считают, что по силе таланта зрелый мастер Леонов стоит в одном ряду с М. А. Шолоховым. Составления талантов в литературном деле, на мой взгляд, не лучший способ нахождения истины. Писатель Л. М. Леонов просто ЛЕОНОВ. Сам по себе. Без всяких сравнений. Впрочем, все равно и при сравнениях тоже.

Он гордость и слава советской литературы. Он один из ее великолепных зачинателей и мудрейший наставник для ее продолжателей. Он Мастер, и этим все сказано.

Народный писатель

Когда я привычным взглядом перебираю на своей книжной полке тома Леонида Леонова, я неизменно думаю о том творческом подвиге, который совершил этот человек во имя Отчизны и своего родного народа. Выходец из крестьянской среды, он стал выдающимся художником великого народа, значительно пополнил духовную сокровищницу человечества своими прекрасными творениями.

Страсть, неудержимая страсть и ярость в утверждении самых высоких и благородных принципов жизни — вот что отличает каждое произведение, каждую страницу любой книги Леонида Максимовича Леонова.

Больших художников рождают крайние противоречия эпох, завершающиеся социальными потрясениями и революционными бурями. Скажем, гневный, все время нарастающий народный протест против бесчеловечного крепостничества дал русской литературе таких гениев, как Тургенев или Некрасов. Лев Толстой, отразивший ломку всех устоев пореформенной России, обрушившийся, как отмечал В. И. Ленин, «с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс... на насилии и лицемерии», стал «зеркалом русской революции», Горький явился ее буревестником, Маяковский — ее певцом. И, продолжая этот ряд, я бы назвал Леонида Леонова обостренным исследователем глубинных процессов преобразования нашего общества на всех стадиях естественного и несокрушимого революционного процесса.

Начало 20-х годов — повести «Петушкинский пролом», «Конец мелкого человека», «Записи Ковалкина», в которых рассказывается прежде всего о неизбежности гибели и исчезновения еще дающих себя знать устоев и принципов прежней, дореволюционной жизни под сокрушительным натпором революции. 1924 год —

знаменитый роман «Барсуки», исследующий причины и природу мелкобуржуазной стихии, возникшей на селе в конце гражданской войны. 1925—1928 годы — роман «Вор», пьесы «Унтиловск», «Усмирение Бададошкина», повесть «Провинциальная история». В этих произведениях развенчивается мечанство, воинственно поднявшее голову в сложный и трудный период нашей революции — в годы изпа. Роман «Соть», повесть «Саранча» — это уже горячие будни первых пятилеток, когда велся активный штурм преобразований страны на принципах революции. В эти же годы создается роман «Скутаревский», рассказывающий о трудностях перехода старой российской интеллигенции на сторону победившего народа. 1936 год — «Дорога на Океан», роман, в котором романтика революционных преобразований действительности сочетается с не менее прекрасными мечтами героев о будущем. В предвоенные годы художник создает произведения, в которых явственно звучат тревожные ноты надвигающихся суровых испытаний (пьесы «Половчанские сады», «Волки»). А когда эти испытания наступили, писатель весь свой яростный талант отдает борьбе с гитлеровскими гуннами, прославлению подвигов защитников Отчизны. Наиболее значительным произведением военных лет является пьеса «Нашествие» и повесть «Взятие Великошумска», отмеченные истинным мастерством, положившие начало советской художественной литературе о великом победном подвиге нашего народа в годы второй мировой войны.

Я упомянул только некоторые произведения Леонида Леонова предвоенных и военных лет. Но и из этого видно, что писатель, как истинный патриот и гражданин, все время держал руку на пульсе жизни, перо художника все время направляется в ее самые крутоизгибающие водовороты.

О романе «Русский лес», созданном в послевоенные годы, надо говорить особо. На мой взгляд, это целая эпоха в советской литературе.

Не сумев одолеть Октябрьскую революцию силой оружия и физически вырубить «русский лес», то есть советский народ, мировые силы зла начали глобальную борьбу на идеологическом фронте. Как чуткий художник, Леонид Леонов увидел и понял это одним из

первых и в своем классическом романе дал замечательный художественный социологический анализ противоборствующих явлений общественной жизни на различных этапах нашей истории, нашей государственности, обнажив самые глубинные корни современной идейной борьбы. Выразив в «Русском лес» сокровенные нравственные идеалы и чаяния народа, он беспощадно развенчал «грацианщину» — это социально опаснейшее, активно воинствующее зло, готовое угрожающе разлиться по всей нашей стране да и по всему миру, покрыть мертвой плесенью все живое, все человеческое. «Русский лес» — это страстный призыв художника к родному народу никогда не забывать своей истории, гордиться ею, никому не позволять осмеивать и ополгать ее, беречь животворные родники своей нравственности.

В первые же послевоенные годы разворачивается активная деятельность Леонида Леонова против угрозы новой, теперь уже термоядерной войны. В 1948 году он участвует в работе международного Конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве, в 1949 году — во Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве. В публицистических выступлениях и в художественных произведениях (например, в киносценарии «Бегство мистера Ман-Кинли») он не перестает призывать людей всех земель к взаимной ответственности за судьбы мира, за сохранение жизни на планете.

За несколько лет до революции Иван Бунин, художник обнаженной души и в силу этого беспрдельно обостренного чувства, сказал горестные слова: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота — и морем разлилась вульгарность, надуманность, лукавство, хвастовство, фатовство, дурной тон, напыщенный и неизменно фальшивый... Чего только мы не проделывали с нашей литературой за послед-

ПОСТИЖЕНИЕ СУЩЕГО

Олег МИХАЙЛОВ

Говорить о Леониде Леонове — значит говорить о принципиальном, неколебимом художнике-гуманисте нашего времени, познавшем все пласты мировой культуры, чтобы двинуться в неизведанное — будущее.

«Барсуки», «Вор», «Соть», «Скутаревский», «Дорога на Океан», «Взятие Великошумска», «Русский лес», «Evgenia Ivanovna», пьесы «Унтиловск», «Волки», «Метель», «Половчанские сады», «Нашествие», «Лёнушка», «Золотая карета», философская публицистика — феномен Леонова возник на пересечении магистральных традиций русской литературы, шире — философии, культуры, морали.

В своем творческом движении Л. Леонов прошел как бы несколько эпох, на новых уровнях воссоздавая панораму гигантских исторических свершений, запечатлев радость бытия, драму разума, предназначение человека, полемицируя как с великими писателями прошлого, так и с самим собой — прежним. «Автор с пером в руке перечитал книгу, написанную свыше тридцати лет назад, — заметил он в обращении к читателю о новой редакции романа «Вор» в 1959 году. — Вме-

шаться в произведение такой давности не легче, чем вторично вступить в один и тот же ручей. Тем не менее можно пройти по его обмелевшему руслу, слушая скрежет гальки под ногами и без опаски заглядывая в омуты, откуда ушла вода».

Покидая старые русла, творчество Л. Леонова, словно могучая река, прокладывало себе новые, не всегда кратчайшие пути, но зато устремленные всегда к океану, к глубинному океану мироздания. Непрерывное движение Леонова-писателя совершалось в направлении, используя его слова, сказанные по другому поводу, к «обобщенной алгебраичности» творчества, исключавшей «частное и местное, с выделением более чистого продукта национальной мысли».

«Я родился 19 мая 1899 года в Москве. По сословию крестьянин Калужской губернии. Угол наш — глухой угол. Дед был лавочником в Зарядье. Отец — крестьянский поэт-самоучка, журналист».

Так сказал о себе молодой Леонов в краткой автобиографии от 30 января 1924 года. К этой поре он уже автор обративших на

себя внимание читателя и критики рассказов — «Бурьга», «Бубновый валет», «Гибель Егорюшки», «Туатамур», «Уход Хама», «Халиль», «Петушкинский пролом». В этих пестрых пробах пера поражают зигзаги творческой фантазии молодого писателя, уносящие его то в средневековую Монголию, то на былинный русский Север, то к библейским истокам человечества, то в мир книжной Персии. Пестрые, экзотические, разнотемные рассказы эти, помимо своего незаурядного самостоятельного художественного значения, послужили хорошей стилиевой школой. Все это были как бы рисунки пером на полях будущих произведений.

Однако уже было ясно: в русской советской литературе появилась звезда первой величины. Когда увидела свет упоминавшаяся автобиография Л. Леонова, уже был завершен роман «Барсуки».

В первой части романа воплотилась тема Зарядья — этого «чрева», «обжорни» старой Москвы. Здесь в художественно преображенном и обобщенном виде отразились детские и отроческие впечатления Леонова, воспоминания о доме деда, о сложной атмосфере в семье, об отце, тяжело и трудно преодолевшем носные и неподвижные сословные традиции. Так появляются реалистические образы старика Быхалова, его сына Петра, множество подробностей и эпизодов, вплоть до возвращения блудного сына из тюрьмы в старозаветный помещицкий дом.

Однако, работая над романом, Л. Леонов постепено отдаляет тему Зарядья на второй план. Главными героями в «Барсуках» становятся братья Рахлеевы — Семен и Павел-Антон, возглавляющие два противоположных лагеря в борющейся деревне, — и сама деревня — в трудных условиях продрозверстии, мо-

ние годы, чему только не подражали мы, чего только не имитировали... Каким богам не поклонялись...»

Увы, подобное положение было характерно для русской литературы и в первые после-революционные годы, когда, скажем, те же рапповцы деятельно проделывали с литературой все что угодно, здравый смысл ставили с ног на голову, безжалостно травили талантливейших русских писателей, в том числе и Леонида Леонова, объявляли их всего лишь попутчиками! И мне кажется, что эти исполненные горечи слова Бунина Леонид Леонов всегда помнил и носил в своем сердце, его самообытный художнический талант не мог мириться с таким состоянием русской литературы. Какой обостренной болью за родной русский язык было продиктовано его небольшое, трехстраничное всего выступление 1964 года в ответ на публикацию проекта так называемой новой русской орфографии. «Прошу слова» называлось это выступление. Именно здесь были сказаны Л. Леоновым всколыхнувшие Россию слова, которые знают и помнят все русские писатели, да, думаю, и читатели. Уже только намерения в корне испоганить прекрасную русскую речь, писал Леонов, следует расценивать не иначе, как «поводы, когда на площади в рельсу бьют». Это ли не пример гражданственности и патриотизма писателя, особенно для молодых, которым принимать леоновскую эстафету и продолжать ее в литературе...

Всю мощь своего дарования Леонид Леонов наряду с другими честными писателями направил на беззаветное служение новому социалистическому искусству. Результаты не замедлили сказаться. Оценивая первое же большое полотно Леонова — роман «Барсуки», Максим Горький сказал о его авторе: «Этот человек, несомненно, одна из больших надежд русской литературы».

Надежда эта давным-давно сбылась. Произведения Леонида Леонова помогли отстоять и ныне надежно хранят славные традиции русского реалистического искусства. Прославляя социалистическую новь, утверждая высокие принципы советского гуманизма, торжества разума и справедливости на земле, раскрывая и показывая всему миру благородные свойства русского национального характера, Леонид Леонов стал народным писателем России, одним из крупнейших художников современной мировой литературы, чье слово помогает людям жить и бороться за самые светлые и благородные идеалы.

А. М. Горький и Л. М. Леонов. Сорренто. 1927 год.

билизации, гражданской войны — выдвигается в основу художественного повествования.

Барсук — животное, сходное по лапам с медведем, а по рылу, стати и шерсти со свиньей, — становится символом косной, старой деревни, мелкобуржуазной стихии, поднявшейся в конце гражданской войны против Советской власти, против города, отбравшего по подразверстке у деревни хлеб.

Высоко оценил роман М. Горький, написавший Л. Леонову: «Это очень хорошая книга. Она глубоко волнует. Ни на одной из 300 ее страниц я не заметил, не почувствовал той жалостной, красивенькой и лживой «выдумки», с которой у нас издавна принято писать о деревне, о мужиках. И в то же время вы сумели насытить жуткую, горестную повесть Вашу тою подлинной выдумкой художника, которая позволяет читателю проникнуть в самую суть стихии, Вами изображенной. Эта книга — надолго».

В «Барсуках» расцветает и гибнет миф о сказочной, светоносной деревне и патриархальной чистоте ее отношений; в другом крупнейшем произведении — романе «Вор» — Леонов широкими мазками рисует засасывающую, обезличивающую стихию косной провинции в самой Москве. И если в «Воре» из бывших санулинских крепостных, некогда получивших заветный Зинкин луг, разозленные на город, уходят в разбойничье барсучье логово, то Митька Веншин дичает душой среди мощного равнодушия, многолюдства и в наменном лесу города превращается из героя гражданской войны в благородного разбойника, «русского Рокамболя», а затем теряет и этот декорум, оказываясь на ирайную поверку обыкновенным паханом или бугром-вором. Метафора, развернутая в «Барсуках» для выявления косной стихийной силы, обретает новое, разветвленное значение: своей судьбой Веншин мстит за несбывшиеся надежды и романтические иллюзии, перечеркнутые напором.

Однако уже в 20-е годы в леоновских произведениях появляются яркие фигуры большевиков, которые несут свое, принципиально новое представление о мире, жизни, человеке и его переделке, преобразовании. «И ты не мной осужен... ты самой жизнью осужен», — говорит в романе «Барсуки» брату-мятежнику Павел-Антон. — И я прямо тебе говорю, я твою горсточку разомну! Мы строим, ну, сказать бы, процесс природы, а ты нам мешаешь...» На удивление человечеству, именно из России явились невиданные, практически осуществимые законы переустройства жизни, хлынули протуберанцы ленинских идей, вызвавшие восторженную признательность бедных всего мира...

Проникнуть в самый процесс истории, угадать ее законы, тождественно совпадающие для Павла-Антон с устремлениями революционного класса, становится задачей задач Л. Леонова. Столкновение города и деревни, неравное состязание есенинского «красногрового жеребенка» с железным поездом «на лапах чугунных» перерастает — уже в философских категориях — в великое противостояние: «наука — человек», «наука — природа», «наука — национальное самосознание». Ростки этих будущих, магистральных для Леонова глобальных сопоставлений угадываются уже в «Барсуках». Их развитие на принципиально новом для писателя материале мы можем проследить в серии романов 30-х годов — «Соть», «Скутаревский», «Дорога на Океан».

Принципиально важным — как для самого

Л. Леонова, так и для советской литературы — явился роман «Соть».

По своим фабульным подробностям, материалу живописания, системе образов, развитию сюжета и разрешению конфликтов он стал своеобразной энциклопедией русской жизни конца 20-х годов, отобразив многогранное влияние индустриализации на умы и сердца людей, укрощение стихии — непокорной реки Соть, влияние новостройки на окрестные села, воспитание человека на производстве. Это был масштаб, который только и могла позволить себе Революция, сметавшая на пути затхлые помещичьи гнезда, сопротивление «бывших», сколачивавшихся в банды, средневековую ярость кулачества, наконец, косность самой природы, веками дремавшей в мудром своем водовороте.

Кстати, говоря о сложности, неполноте и вынужденных потерях в отображении бурного, сменяющего свои лики мира, который необходимо познать в течение человеческой жизни, рассчитанной в силу ее краткости на «мелкое гляденье», Леонов в одной из статей выразил надежду, что литературоведы будущего с пониманием обстоятельств отнесутся «к нашим произведениям, на которые мы сами оглядываемся... со смешанным чувством неизбежности, исполненного долга и отчаяния».

В разволнованном человеческом море, где только что прошло грозное цунами, отдельная жизнь, отдельная судьба уже не имеют самодовлеющего значения. Когда меняются самый лик Вселенной, с потерями и утратами не считаются. Растет на берегу

Соти целлюлозный гигант, и уходит чуткий лось, и гибнет бедный скит — наивный клочок семнадцатого века. В стройном хоре прорываются дисгармонично лишь приглушенные выкрики и прорицания, обещающие впереди опасность новых, грозных и непредсказуемых перемен, не воспринимаемые слушателями в силу своей утилитарной бесполезности или даже социальной вредности.

Так в «Соти» предваряются раздумья и искания, развернутые и продолженные в «Скутаревском» и «Дороге на Океан».

Роман «Скутаревский» был посвящен судьбам русской интеллигенции, как научно-технической, так и художественной — ее мучительным исканиям и духовной эволюции в 20-е и начале 30-х годов, в пору завершенности огромных бурь, смещений и катастроф, как сказал его главный герой, крупный ученый-электrofизик. Внешнее действие романа существенным образом связано с драматизмом классовой борьбы, с приобретением старой интеллигенции и творческим задачам молодого Советского государства и с непримиримым конфликтом, в котором оказывается часть этой интеллигенции с Советской властью.

Однако внутреннее напряжение произведения придает единая сквозная тема, прорастающая в некоем независимом, автономном движении, куда как бы вошло уже не линейное время, а иное, особое пространство бытия. В «Скутаревском» Л. Леоновым взят за основу трагизм нераскрытой идеи, на которую потрачена жизнь.

Значение и роль этой проблемы — вечной и вечно больной, вечно сопутствующей познанию Вселенной и места человека в ней, огромно. Сам писатель сказал в статье «Похвала жанру»: «Через знание, через радостное свойство мысли мы жаждем продлить себя в веках. Притом не одними только удачами так бесконечно интересуемся мы, но также историей неоправдавшихся поисков, пуская даже без завершительной победы, — трагедиями великих научных ошибок, потому что это наши общие ошибки, и было бы безумным расточительством выкидывать из памяти людской мучительные и, может быть, наиболее ценные уроки заблуждений».

В «Скутаревском», если говорить о произведении как о целостном организме, мы наблюдаем новую фазу кристаллизации философского романа. О сложности работы над книгой Л. Леонов сказал в одной из частных бесед, отметив, что надо было идти сквозь громадное сопротивление среды, как сквозь воду. Открывается и широкая перспектива дальнейших исканий художника. Есть некая родословная леоновских героев, и она просматривается через все творчество писателя. Эта сквозная родословная ведет нас от «Вора» к «Соти» и «Скутаревскому», а «Скутаревский» подготавливает рождение «Дороги на Океан». Оба последних произведения (уже в обратной, видимой для нас сегодня перспективе) создают дальнейшие предпосылки для возможного появления образов и открытий, угадываемых во фрагментах из нового романа — «Мироздание по Дыхову» и «Последняя прогулка». Так выстраивается линия судьбы ведущих героев Леонова.

На новом витке философской мысли Леонова их масштабность с небывалой дотоле силой и мощью выразилась в романе «Русский лес», за создание которого автор был удостоен в 1957 году Ленинской премии.

В сознании писателя тема эта вызревала долго. Давние естественнонаучные пристрастия, идущие от крестьянской сущности, постепенно нарастали и сперва вышли в увлечение садом, а потом и за околицу сада, деревни. Великий поход в защиту «зеленого друга» Л. Леонов начал с судьбы деревьев в городе (вызвавшая множество откликов статья 1947 года «В защиту друга»). Замысел нового романа менялся вместе с накоплением достаточных знаний по биологии леса, поездок, многочисленных встреч и бесед со специалистами.

Лесники — хороший народ, заметил как-то Леонов, но они имеют дело с деревом, а дерево молчит. История дела, прошлое леса, продолжал писатель, меня очень интересовали. Роман писался в авторской надежде, что, имея в виду страшные потери леса в старое время, судьба его круто переменится в современности, что будет создано нечто вроде Министерства охраны природы. По-видимому, Л. Леонов тогда же, при ближайшем знакомстве с лесом, мог убедиться в тяжелой судьбе этого «зеленого друга».

Какие-то подсобные моменты вызревали раньше, еще при работе над «Сотью» и пьесой «Половчанские сады». Вихровское по-

движническое служение лесу понуждает вспомнить подвиг Маккавеева, украсившего землю гигантским яблоневым садом. «Русский лес» — в определенном смысле итог многолетних исканий Леонида Леонова, исканий нравственных, философских, эстетических. Мера человечности и предназначение человека, высокая стезя научного подвига, испытание, через которое прошел народ в пору Великой Отечественной войны, и вера в его светлое будущее — все это уплотненно воплотилось в сложной архитектонике романа.

Вихров и Грацианский — это глобальные фигуры, несущие при всей полноте психологической и бытовой достоверности каждый еще и обнаженную философскую идею. Символический, интеллектуальный реализм Л. Леонова находит в этих образах, кажется, свое наивысшее выражение, спрессовывая в каждом характере как бы содержание характеров нескольких, дополняющих и раскрывающих один другой.

Вот почему в романе Грацианский является нам множеством разнообразных ликов, расплывающихся в «мелкой колдовской ряби», — левака-студента; декадентствующего умника-петербуржца поры безвременья; помещика-наполеончика, мечтающего стать «вождем» России; карьериста и демагога-космополита на ниве отечественного лесоведения; наконец, просто агента охраны и мелкого провокатора. Многие грацианские, целая толпа грацианских образов грацианщины во всех ее проявлениях — от высокого, почти трагического сальеризма и до мелкой, гаденькой самгинщины. Художник как бы экспериментирует, проявляя это наиболее ядовитое вещество ненавистного ему мещанства на разных уровнях, в разных жизненных и социальных условиях, в разной общественной и бытовой среде.

Но есть нечто главное, централизующее в этой клубящейся туманности Зла: это почти маниакальное стремление уничтожить все живое и творческое на пути. Грацианский не выдерживает близости чистого начала и невольно обнаруживает себя, свою затаенную сущность. Такова знаменитая сцена, когда Вихров подводит зловещего «беса» к родничку, дающему начало живой воде для половины России. «Какая-то смертельная борьба чувств происходила в его (Грацианского. — О. М.) поблдевавшем лице, как если бы перед ним билось обнаженное от покровов человеческое сердце. Слово зачарованный, опершись на свой посошок, и сквозь пенсне на шнурочке, он шурцо глядел туда, в узкую горловину родника, где в своенравном ритме распаивалось и смыкалось песчаное беззащитное лонце. — Сердитый... непонятно обнажая зубы, протянул Грацианский и вдруг, сделав фехтовальный выпад вперед, вонзил палку в родничок и дважды самозабвенно повернул ее там, в темном пятнышке его гортани...»

Именно вблизи до святости чистого родничка, как гоголевский колдун, не выдерживает, обнажается, открывает свою мертвящую сущность этот гений миметизма, приспособленчества, зла: «Нос вырос и наклонился на сторону, вместо карих запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копые, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак — старик» («Страшная месть»).

Подвижническое служение лесу Вихрова при всем конечном оптимистическом взгляде автора на проблему несет на себе трагедийный отсвет. Мальчиком входит Иван в апартаменты петербургского лесного вельможи, а за ним незримо возвышается громадный доверчивый слепец в зеленых лохмотьях, совершенно беспомощный против отлично, совершенно шлифованной голубой стали. Вихров и остается в изгнание поводыря при этом гугнивом и добром бессловесном великанине, на уничтожение которого брошены уже не топоры, а новые и более совершенные механизмы.

Страшно представить себе, обмолвился однажды писатель в личной беседе, как эта новая чудовищная машина захватывает дерево в пятерню, пилит, поднимает и несет перед собой, словно свечку. Такие машины, с их простотой, которая в прежнее время умерялась медленностью процесса с помощью дремучего топора, разумны в государстве, когда они подчинены не только указаниям воли, но и человеческой совести. Тревога за судьбу «зеленого друга» остается: годных, спелых лесов не так уж много, и для получения древесины приходится вторгаться все дальше, все глубже в заповедные недра страны. Однако после

выхода романа классическая теория «постоянного лесопользования», когда имеется в виду не дикий, подлежащий сведению лес, а лесная, возобновляющаяся нива, начала получать права гражданства.

Вихров говорит в своей знаменитой лекции: «Лес сопровождал человека». С выпадом, уходом леса как полноправной стихии куда-то, еще неизвестно, в какую сторону, может измениться характер нации. Такова масштабность мировоззренческих и футурологических раздумий Леонида Леонова, направляющего нашу мысль — поверх злободневных требований и узкопрактических задач — далеко в будущее, в твердой надежде, что будущее у человечества состоится...

Слово Леонова, вступившего, как выразился он сам, «в новую, уже вторую половину жизни с ее предельно сухим и прозрачным воздухом зрелости, с ее ясными, безмятежными горизонтами», обращено к памяти.

Меняется самый словесный строй, его наполнение, хотя, казалось бы, какие дополнительные средства удастся найти после виртуозного стиля «Барсуков», «Вора», «Соти», «Скутаревского». На первый план выдвигается мысль. Вещество искусства как бы само собой уплотняется в целые мыслительные блоки. Даже в тесном пространстве статьи или очерка Леонов продолжает творить свою «высшую работу».

Леоновский очерк, скажем, появившийся в 1980 году «Раздумья у старого камня», вмещает в себя больше содержания, чем иные пухлые романы. В нем — напоминание о самом главном и насущном для нас, в нем — глубокая боль, надежда и вера.

Перед нами сплав историк, философ, высочайшего словесного искусства; проповедь, которая влечет дальше суда над своим днем и часом. «Языком сердца» высказаны заветные думы писателя-патриота. И драгоценные уроки прошлого, о которых вспоминает Леонов в горячем своем очерке, думается, как нельзя кстати.

Живительная память народная, таинственная связь с самыми отдаленными, давно растворившимися в земле родичами, что положили начало нашей с вами Отчизне, по мысли Леонова, и цементируют воедино поколения, нацию, наконец, государство. «Жизненно необходимо, — подытоживает писатель, — чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие». Так расширяется мысль Леонова, восходя от «мемориальных камней» — памятников нашей истории к обобщенному раздумью о нашем социалистическом Отечестве и его завтрашнем дне.

«Сверхбанальные истины эти, — размышляет Леонов, — требуют неотложного внедрения в сознание подрастающей смены, коей послезавтра, может быть, суждено встать у штурвалов государственного управления. Наравне с обучением незрелых отроков и отроковиц — как надлежит обращаться со школьным имуществом, телефонами-автоматами, лифтами общественного пользования, с древесными посадками, — и вообще как вести себя в лоне природы, которая есть отчий дом твой, полагалось бы не оставлять без внимания и поощряющих их грустную резвость родителей, — разумеется, постепенно и терпеливо, во избежание их умственной перегрузки».

Пока еще не поздно, надо довести до их сознания, что сегодня есть лишь промежуточное звено между вчера и завтра, что все мы нынешние — лишь головной отряд бесчисленных поколений, пускай закопанных где-то далеко позади, однако отнюдь не исчезнувших вчистую, а и посмертно взирающих нам вдогонку. Существоют и некоторые другие связи между поколениями, кроме социально-экономической преемственности; только забвением этого рода объясняется, что иная ходоная щучка ищет себе за границей глубинку посытной... И кроме налагаемой ответственности, какая радость заключена в безотчетном ощущении суровых, немигающих глаз, провожающих тебя в неизвестность будущего!

Человек и родной дом, человек и Отечество, человек и будущее Земли — это ведь генеральная тема леоновского творчества. Это постижение сущего во имя нашего общего завтра.

Павло МОВЧАН

Рассвета Ясные черты

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Откуда дождь, когда на небе солнце,
ни облачка — чиста голубизна.
Текут, переливаясь, волоконца,
вглядись — и нитка жизни в них видна.
Тот зрячий дождь нас обойдет едва ли —
в подвойниках звенит, буравит ствол.
Мы в детские ладони собирали
горячий дождь, соленный, как рассол...
Ты был ребенком и забыл, наверно,
как он ходил за нами по пятам,
как барабанил в стены в сорок первом,
врывался в хату, шарил по углам.
Шептал ты: «Обойди нас стороною...»,
но тучам в небе не было конца.
И дождь прилип густою пеленою
к размытой фотокарточке отца...
Давным-давно все за горами где-то,
и волокно судьбы оборвалось,
но дождь слепой бредет за мной по свету,
и что ни шаг, то забивает гвоздь.

Огонь допьет остатки ночи,
скривится рот от духоты,
и ты увидишь у обочин
рассвета ясные черты.
У серпокрыльцев крылья легче
становятся. Стена блестит.
И в капле розовой хузнечик,
поджавши лапки, крепко спит.
И взгляд открытый, сбросив бремя,
проникнет сквозь молчанья лед
к иным мечтам, в иное время,
к безмерной милости высот.

Крапивный острый серп, водица из колодца
по пальцам полоснули — блестит роса к утру,
и голос мой, готовый расколоться,
выводит твое имя на ветру.
Ответь вползла. О! Ответь вползла,
полкапли состраданья подари...
Затих мой голос, и сиротства мука
оплаивает ядом изнутри.
К губам солилку-палец прижимая,
стою, на рану бережно дыша:
дрожит под ветром веточка нагая —
от прикасания вздрогнула душа.
И жгучий серп, став красным, леденеет.
Я как росток — взгляни со стороны, —
дрожу, дрожу, и белый свет темнеет,
и сдвоенные капли солонны.

МАТЕРИ

У края тени собственной сидишь,
у края жизни, у истока доли.
— Ах матушка! — колышется спорыш,
и высоко тебе, как на престоле.
Ты видишь все насквозь, до наготы:
мой каждый шрам, тоску и ожиданье.
Все видишь ты, все слышишь сердцем ты,
пронизывая холод расстоянья.
Мой каждый возглас, каждый тихий стон
в окрепшем сердце станет отголоском.
И я, как дождь, к тебе со всех сторон
иду, иду с наполненным наперстком.
Не меда, нет, живой воды глоток

я зачерпнул из родников бездонных.
Ты жди меня, ты жди — хоть путь далек,
но я приду с росинкою в ладонях.
Колени сбил и локти ободрал,
содрал всю кожу до кости, как лыко,
и рванный воздух ею залатал,
чтоб ты ни слов не слышала, ни крика.
Но ты все знала, видела, была
недалеке, возле меня, со мною,
росинку мне в наперстке подала,
смешав ее с последнею слезою.

МУДРОСТЬ

О, не страшись лететь, умерь себя собою
и наперед отметь любовь свою бедою.
Ведь где-то впереди вознесся день печали,
и будешь ты один хранить свои скрижали...
От грохота в ушах молчанье желанней,
усталая душа отвыкнет от метаний.
С порога своего посмотришь сквозь ресницы:
не удержать того, кто к скорости стремится.
Пусть продолжает путь, ему невнятно это —
ты ж сел передохнуть, чтоб подождать

рассвета.

Перевела с украинского М. ВИРТА.

На вечер, на холмы, на белый свет
открытый взор летит легко и прямо:
какая даль — идти по склону лет
и небо на плечах нести упрямо.
Луна — как сена чистого стожок,
такого серебристого —

потрогай! —
течет сквозь пальцы лунный порошок,
клубится над мерцающей дорогой.
Все дальше горизонт мой, а за ним
широкий дол горит в июньском цвете,
и много новых лет и новых зим
кукушка обещает на рассвете.
И солнце неизбежное опять
спасает зелень от ночного тленья...
Чтоб мне хоть листик завтрашний сорвать —
остановись, грядущее мгновенье.
Когда ж, перенасыщен через край,
остановлюсь и развяжу ботинки,
зеленая пружиночка травинки
толкнет меня: — Ну что же ты? Шагай!

ТЕПЛО

На плоскости зеркал, на солнечные глади
я выдыхал себя: дрожит живая ртуть,
мерцает алый сок тяжелых виноградин —
твои ладони их веками не сотрут.
Ведь эту рану мне судьбой угрюмый мастер
оставил и вложил в нее свои персты...
Чтоб не терять лица, и пережить напасти,
и в трещинах зеркал не видеть черноты,
я выдыхал себя по капельке, помалу,
и пальцами гасил огарки, как цветы.
И кровь горошинами в жилах застывала —
не выдохнуть ее толчками слабых слов:
горят, горят огнем два солнечных зеркала,
взаимоотразив колодцы двух миров.
Но что это? Снегов игольчатые стаи
вонзаются в зрачки — пылают зеркала,
и сухожилье рвет тупой осколок стали,
который мне война дала взамен тепла.

Перевел с украинского В. ПУЧКОВ.

ГДЕ МИР НАЧАЛО ВЗЯЛ

Тридцать лет прошло с тех пор, как впервые попал мне в руки сборник пьес Цезаря Солодаря в пионерлагере в подмосковной Апрелевке. И теперь помню, как заодно и оптимистично звучали с нашей пионерской сцены слова популярного писателя и драматурга, всегда правдивые, жизнеутверждающие и полные самой настоящей поэзии.

И вот перед нами новый сборник писателя, в который входят пять пьес. Хочется сразу сказать: книга обрадует каждого, кто ее раскроет. Талант старейшего советского драматурга представлен здесь всеми своими гранями. Пьесы сценичны и в высокой степени актуальны, объединяет их искренность, острота сюжета, идейная направленность, действие развивается стремительно, а злободневность каждого из произведений и присущий драматургии Солодаря легкий, ненавязчивый юмор вызывают при чтении книги постоянный интерес.

Сборник открывает пьеса, название которой вынесено на обложку книги. «Тем, кто хочет знать» — политическая драма в двух частях с прологом. И уже здесь, в прологе, Цезарь Солодар сводит вместе двух сержантов двух союзных армий — советской и американской — в ночь на 9 мая 1945 года в берлинском пригороде Карлсхорсте, где только что подписан акт капитуляции гитлеровского рейха. Учитель из Донбасса Степан Гаевой и канзасский фермер Юджин Эллиот обмениваются перед тем, как расстаться, самым дорогим, что у них есть: фотографиями своих детей. Дети — это будущее, а будущее должно быть мирным. «Мы должны с вами обменяться... чем-нибудь», — говорит Эллиот. — «Ведь встретились здесь, где... где...»

— Где мир начало взял, — отвечает Гаевой. — И американец подхватывает удовлетворенно: — Хорошо сказано! «Где мир начало взял». И пусть спустя десятилетия судьба сведет детей героев пролога в сложной драматической ситуации уже в наши дни — дружеское рукопожатие советского и американского солдат в победном сорок пятом останется неподвластным временем.

Пьеса «Пелена» предпослано краткое авторское вступление. «В этой пьесе, — пишет Ц. Со-

ЦЕЗАРЬ СОЛОДАРЬ

ТЕМ, КТО
ХОЧЕТ
ЗНАТЬ

лодарь, — впервые за многие годы драматургической работы — я не придумал ни одной судьбы, ни одной ситуации... Приступая к работе, я заранее не планировал такого строгого документального отбора материала. Только прочитав написанное, я установил полную документальность «Пелены». Это дало мне право определить жанровую особенность пьесы несколько необычно, но вполне обоснованно: «драма-быль». Но, проведя свою героиню через тяжкие испытания, автор остается верен себе, сути своей драматургии: в эпилоге пьесы для Наташи забрезжит лучик надежды.

Безусловно, удачна новая редакция пьесы «Первоцвет», в сценах которой, ярких и динамичных, как сама жизнь, нашли отражение события гражданской войны. Мужественно и правдиво воплощена тема Великой Отечественной в пьесе «Портрет», в «Эпилоге» которой звучат стихи:

А на знамени Ленин немного усталый,
Как все те, кто прошел по тяжелым дорогам войны.

Поэтична и драма в двух частях «Твой милый образ». Женские образы всегда особенно удаются автору. Главное действующее лицо пьесы Нина Гаранина поставлена на высокий нравственный пьедестал. Через всю войну пронесла связистка-переводчица Гаранина светлую любовь и комбату Лозовому, так и не открыв свое сердце.

С теплым чувством закрываешь книгу, которая завершается произведением о событиях Дня Победы в тех местах, «где мир начало взял».

Г. БЛЮМИН

Цезарь Солодарь. Тем, кто хочет знать. М., «Советский писатель», 1983, 304 с.

Редакция журнала получает много писем от читателей по вопросам изобразительного искусства. Вот одно из них.

«На мой взгляд,— пишет С. В. Жемчугов из Вильнюса,— в журнале надо больше публиковать репродукций полотен старых мастеров. Только не подумайте, что я консерватор, просто я иногда не вижу в некоторых холстах современных художников на наших выставках того внутреннего богатства, живого выражения, которые присущи кисти классиков живописи. Не потому ли мы до сих пор восхищаемся этими картинами?»

«Огонек» начинает публикацию рубрики «Шедевры», в которой предполагает показывать и рассказывать читателю о лучших произведениях мировой, русской и советской классики.

Ш Е Д Е В Р Ы

Моросил дождь. Старый Краков, жемчужно-серый, расплылся блеклым эстампом. Влажные ветви клена, свежий, сладостный аромат весны, силуэты древних башен — все, все будто вело меня к желанной встрече. Открылись грузные врата старого замка. Глухо звучали шаги по стесанным временем плитам. Как в дреме, проскрипела еще одна дверь. Огромный уютный пустынный зал. Ремонт... Мерцающий свет. Вдали, почти в дымке сумеречных бликов, — ОНА. Черный фон. И из этой бездны — ясный абрис маленькой головки. Горделивая осанка. Гладко причесанные волосы. Лукавые, прищуренные глаза. Мягкая улыбка женщины, знающей немало тайн. «Дама с горностаем» кисти Леонардо. Девять лет прошло с того мига, как я увидел ее на Волхонке, когда она гостила в Москве. И все это время я мечтал еще раз ощутить близость ее милых глаз, нежность ее узкой руки, поглощающей крохотного зверька. Снова почувствовать магию живописи да Винчи. Ведь ни один фолиант не смог бы рассказать столько о дворе миланского герцога Лодовико Моро, пленительной Чечилии Галлерани и о той давней, жестокой и чарующей поре, сколько поведала эта маленькая картина. Всего лишь портрет. Я шагнул ближе. С какою-то разительной четкостью из тьмы веков словно восстал образ того времени. Куда-то далеко, далеко из агатовой пропасти в неведомое глядела эта юная прелестная женщина. Она не замечала никого.

И тут вспомнились слова, оброненные как-то Монтенем: «Вам кажется, что вы играете с кошкой. Нет. Это кошка играет с вами...»

Парадоксально, но мне казалось, что девушка с картины Леонардо смотрела именно на меня. Как, впрочем, и на всех зрителей. Хотя каждый, естественно, думал, что только он рассматривал шедевр. По-своему. Будто разыскивая в нем себя, свою жизнь, думы, желания. Особенно пронзительно я ощутил этот феномен при посещении Москвы «Джокондой». Казалось, что Мона Лиза, созданная тем же Леонардо да Винчи, ничуть не уставая, успевает заглядывать в сердце каждому из тысяч зрителей, проходящих к ней. Такова сокровенная сила картин.

Шедевр. Представьте на миг... Большой художник, богатой души человек работает, пишет, учится у природы, мечтает. И вот наступает момент, когда весь объем его знаний и чувствований начинается, как по мановению волшебника, звучать в полотнах. И будто сами собой ложатся мазки кисти на холст. Так, наконец, наступает пора, когда рождаются иногда одно, а порою и множество творений, в которых мастер как бы изливает свою душу, и вы зрите, слушаете плоды его усилий... Как же тут не поддаться духовной энергии, страстной убежденности и совершенной форме, достигнутой ценой всей жизни!

Иногда сама судьба предлагает встречу одной картины — «Джоконды» с колоссальным городом. Вспомните, что тогда творилось в Москве... Скептики тут же изрекут: «О этот мир обывателей и мещан. Привезли им «цацку» из Луара, и они сошли с ума». Но это всего лишь пошлое и циничное определение стремления людей к прекрасному. Кому повезло часами стоять рядом у помоста, по которому зрители проходили мимо творения Леонардо, тот видел несметное число озабоченных радостью, омытых слезами молодых и старых лиц. Тот слышал шепот и слова, обращенные к Моне Лизе. Конечно, можно было разглядеть среди тысяч проходящих разочарованные или криво усмехающиеся физиономии: «Зачем, мол, потратили время», — разве это хоть на йоту развенчивает славу «Джоконды»? Нет! Ведь диалог с произведениями Рафаэля, Эль Греко, Александра Иванова требует напряжения духовных сил. Затрат сердца. Тогда только вы испытаете всю целительную благотворность искусства.

...Согласитесь, что римская колесница эпохи Цезаря кардинально не схожа с нынешней ракетой, уходящей в космос. Несовместимы ни скорости передвижения, ни их наружный вид. С первого взгляда любой, наверное, ощутит дистанцию в двадцать столетий. Но так ли фундамен-

тально изменился внешне сам человек, создавший эти предметы?

Не могу не вспомнить мгновение, которое забыть трудно. Это было в римский майский полдень. В одном из залов Ватикана неподалеку от животворной глыбы бельведерского торса стоял Аполлон. Да, тот самый, веками перевозносимый и не раз оплеванный Аполлон Бельведерский. О, сколько всяческой литературы накручено вокруг этой гениальной статуи, изваянной греческим скульптором Леохаром в четвертом веке до нашей эры... Мраморный сын Зевса невозмутимо, казалось, чуть улыбаясь, глядел сверху зрячими отсутствующими глазами на суетившихся у его ног туристов. Самое потрясающее в его лице было то, что он был прост... и современен. Античный бог походил на юношу, которого можно встретить сегодня. Виделось, что скульптура не имела никаких идеальных заданных пропорций, никакой академической выпренности. Светозарное человеческое тепло излучал этот холодный камень.

Вдруг где-то высоко над нами весеннее солнце зашло за облако. Трепетные голубые блики скользнули по белому мрамору.

Казалось, Аполлон ожил.

В тишине музея будто прозвучали слова:

«Берегите миг жизни. Цените неповторимость земного бытия. Оно одно...»

Я огляделся. Рядом в сиреневом сари стояла смуглая женщина. Она плакала. Станные, просветленные лица людей глядели на эту древнюю статую — живое свидетельство победы земной, а не мифологической красоты.

Шедевр... Столь знакомое всем понятие имеет несколько толкований. Энциклопедический словарь гласит, что это: 1) Образцовое изделие, которое во многих средневековых цехах требовалось от ремесленника, стремящегося стать самостоятельным мастером, для доказательства его профессионального мастерства. 2) Образцовое произведение — высшее достижение искусства, мастерства.

Изделие, ремесленник, мастер, профессиональное мастерство. Высшее достижение искусства. Как эти слова мирно и согласно существуют рядом. Да, шедевр, как всякое большое творение живописи, скульптуры или любого другого вида искусства, не мыслим без мастерства. А мастерство, как известно, невозможно без освоения традиций, школы, если хотите, цеховых навыков. Недаром в пору расцвета искусства, в эпоху итальянского Ренессанса все начиналось с боттеги — мастерской, которой руководил выдающийся художник, передающий свой опыт, знания ученикам, начинавшим свой труд с азов. Юноши, а порою мальчишки терли краски, грунтовали доски. Копировали образцы. Рисовали с антиков и натуры. А уж затем писали, включаясь постепенно в заказные работы, исполняемые учителем. Так, Леонардо проложил свой путь к всемирной славе в боттеге Андреа Верроккьо, где учился рядом с Гирландайо. Все шло в то далекое время в ежедневных трудах, неустанном учении, в состоянии вечного преклонения перед пластическим идеалом, воспетым еще в пору греческой античности. Дух времени Ренессанса — юный, порою мятежный и беспокойный — нисколько не мешал творить. Каждый грозный владыка грезил заполучить к своему двору если не самого прославленного живописца, подобного Рафаэлю или Тициану, то хотя бы его создания. Но не только святейшие папы, короли и герцоги жаждали обладать произведениями больших живописцев. Обыкновенный флорентийский купец Франческо Джокондо стал причиной появления знаменитой «Джоконды», заказав да Винчи портрет своей супруги. Красота в искусстве при всей сложности, а порою жестокости времени итальянского Ренессанса была почитаема всеми, боготворима и желанна.

Ренессанс. Новая весна. Никогда еще раскованный дух рода людского не создавал такого волшебного мира в живописи. И если древний Восток, Египет, Греция, Рим оставили нам непревзойденные памятники

Микеланджело, 1475—1564. СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Фрагмент

Эль Греко. 1541—1614. АВТОПОРТРЕТ.

Гойя. 1746—1828. МАХИ НА БАЛКОНЕ.

Рембрандт. 1606—1669. ДАНАЯ.

К. Брюллов. 1799—1832. ВСАДНИЦА.

В. Тропинин. 1776—1857. ПРЯХА.

М. Врубель. 1856—1910. ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ

скульптуры и архитектуры, то итальянский Ренессанс показал всю прелесть земной радости бытия, запечатленной в еще неведомых по прелести картинах. Имена Фидия, Праксителя, Мирона отметили взлет ваяния в Греции, определивший на многие века, да, кстати, и поныне реальность прекрасного, изображенного в мраморе и бронзе. Живописцы итальянского Ренессанса от Джотто до Леонардо открыли новую красоту, оставив человечеству гениальные творения, в которых чудесное жило рядом с реальным, и люди впервые увидели во всем великолепии свое, земное. Одни века сменяли другие. Многие дивные шедевры гибли в пламени войн. Но даже то, что осталось, рисует нам непрерывную эстафету, которую принимает одно поколение мастеров за другим. И это не всегда поступательное, а иногда прерывающееся движение, начавшееся с незапамятных времен, происходит и до наших дней...

«Наши фантазии стоят больше, чем наши рассуждения». Эти на первый взгляд рискованные строки философа заставляют немедленно задуматься. Ведь все открытия и в науке и в искусстве были бы невозможны, если бы люди, свершившие их, не обладали мечтою, а главное — ощущением фантазии. Посему тщательнее всматривайтесь в творения человеческого гения. Вы увидите овеянные реальностью, реализованные грезы — те дивные сны, которые посещают вас, но, к сожалению, порою остаются лишь сном, который забывается. Именно потому так поразительно неодолимо тянутся к картинам миллионы людей. Шедевры... Их никогда не создаст ЭВМ, ибо в них столько же ошибок, сколько взлетов. Ибо они суть, плоть человеческая со всеми ее слабостями. Безошибочность свойственна хорошо отлаженной машине. Творение художника — плод своеобразного подъема, вызванного, как правило, многолетним подвижничеством, трудом... и спадом, может, незаметными для окружающих, но терзавшими его. Вот именно тогда как эхо всех побед духа поэта над препонами прозы бытия появляются шедевры. Повторяю: они носят в себе все следы этой внутренней борьбы, как бы внешне безукоризненные они ни были... Все очарование и пленительность великих полотен в своеобразности маленьких «ошибок», допускаемых авторами этих творений. Ведь лишь только потому ранние произведения Рембрандта вовсе не похожи на его холсты позднего периода. Более того, юный ван Рейн, соблюдая традиции, полный сил и неистраченности дарования, был вовсе не оригинален. Он походил на десятки предшественников. Кстати, рисовал он, казалось, значительно «правильнее», чем позже, создавая «Блудного сына». Но в том и секрет, что, пережив сто жизней в срок одной судьбы, Рембрандт, которого голландские бюргеры считали если не сумасшедшим, то по меньшей мере чудачком, постиг невозможное. Он научился мечтать. Фантазия уносила его в мир, неведомый никому. И когда зрители входят в зал Эрмитажа и зачарованно глядя на холсты ван Рейна, они зрят «планету Рембрандта» — незнакомую, освещенную своим бархатистым золотисто-коричневым солнцем. Люди чувствуют, будто читая Шекспира или Гете, драму человеческого бытия — короткого по времени присутствия на земле, но полного счастья, любви, ошибок, слез и трагедий... Стать художником — это не только умение замечательно рисовать, превосходно писать и компоновать, — это лишь качества, предшествующие тому моменту, когда мастер обретает крылья. Тогда живописец как бы снова вспоминает всю свою жизнь и изначально, как ребенок, удивляется радости или ужасу существования. Он постигает не всем данную тайну полета, и что самое главное — мастер воплощает свою фантазию в пластически осязаемую форму. Это вовсе не означает, что должна появиться картина с десятками фигур и со сложнейшим сюжетом. Порою мечта о прекрасном выражается в портрете или пейзаже. Но что отличает сразу подобный холст от салонных, псевдоакадемических или ремесленных поделок: вы попадаете в мир, который не спутаете ни с каким другим. Так, мадонны Рафаэля никак не похожи на мадонн Леонардо или Боттичелли. Хотя эти художники жили все в Италии и почти в одно время. Так, пейзажи Констебля отличаются от ландшафтов Кора. А Константин Коровин вовсе не схож с Левитаном, хотя они работали рядом. Это и есть та единственная способность больших художников видеть мир через «магический кристалл», описанный Пушкиным.

Искусство... Попытаться писать о нем ясно и доступно так же трудно, как рассказать о цвете звезд. Иногда о живописи четко говорили литераторы, чаще искусствоведы. Но порою истинное метафорическое понимание творчества высказывали, как ни странно, сами художники. И как ни удивительно, они владели этой дьявольски мучительной магией слова, которое невозможно родить, не обладая даром понимания созвучия, то есть гармонии, а ведь, по сути дела, именно этим талантом и обязан обладать каждый истинно большой поэт, композитор, живописец. Посему не надо поражаться, когда узнаешь, что Сократ был искусным скульптором, а Пушкин или Лермонтов великолепно рисовали. Жан Жак Руссо и Грибоедов сочиняли музыку. Александр Бенуа и Игорь Грабарь завидно владели пером. Все взаимосоединимо. Уникальные рукописи оставили Леонардо и Микеланджело, Бенвенуто Челлини и Вазари, Делакруа и Ван Гог. Это были стихи и трактаты, мемуары, дневники, а иногда просто переписка. В каждом слове, написанном ими о творчестве, горело пламя их сердец. Поэтому так искренни, так обнаженно открыты, пронзительно сокровенны и доступны их мысли и чувства. Читая Михаила Врубеля или Поля Гогена, невольно ощущаешь жар огня, заставлявшего их творить полотна, озаренные этой стихией.

Движение... Оно присуще искусству всех времен и народов. Оно сокрыто в фигурке фараона Тутанхамона, плывущего на лодке по голубому Нилу. Оно разлито в мраморных складках одежд крылатой Nike Самофракийской, колеблемой морским ветром Эллады. Бегут, ковыляют, валяются слепцы Питера Брейгеля — страшные в своей неистовой беспомощности. Летят жуткие ведьмы, рассекая черное небо. Такими они явились Франсиско Гойе. Вьется знамя на баррикаде в руках у

Свободы Эжена Делакруа. Скрипят, медленно движутся по глубокому снегу сани, везущие боярыню Морозову. Высоко аскнута ее рука, сияют неистовые очи пророчицы... Тянут по берегу вдоль матушки-Волги баржу могучие бурлаки Репина. В каждом полотне художников, в любом изваянии скульпторов — дух своего времени.

Примечательное, порою скрытое на первый взгляд, внутреннее движение заключено в портретах замечательных мастеров прошлого. Сколько мудрости, наблюдательности, любви к человеку, сколько утверждения и отрицания всего в одной детали. Незабываем тяжелый взгляд папы Иннокентия кисти Диего Веласкеса. Всмотритесь в любое полотно Франса Хальса, полное искреннего жизнелюбия. Вспомните образ Достоевского работы Перова. Сжатые руки и пристальный, устремленный вдаль острый взор писателя. Это полотно стоит толстой монографией.

В истории искусства есть картины маленькие по формату, но вызывавшие бурю в официальных кругах. Таков «Сеятель» Милле, таковы его «Собирательницы колосьев», раскрывшие парижской публике образы людей труда во всем их благородстве.

Но это вовсе не означает, что сражаются картины, лишь изображающие битвы. Всем известно, как маленькая «Олимпия» Эдуара Мане или очаровательная «Мадам Самари» Огюста Ренуара потрясли основы буржуазного Салона и вызвали такой поток ругани, что сегодня трудно себе представить меру слепоты и глупости авторов тех газетных статей, не заметивших будущие признанные шедевры, гордость французской школы живописи... Подобное происходило и в России, когда некоторые рутинеры не приняли восхитительную «Девушку, освещенную солнцем» Валентина Серова, ныне являющуюся украшением Третьяковки.

Войдите ныне в любой крупный музей планеты, посетите любую картинную галерею, и вы узнаете знаменитых художников по их детям — картинам. Здесь, разумеется, говорится о полотнах зрелого периода, когда они полностью выявили свой характер, показали свой почерк, словом, свою художническую личность во всем ее многообразии. И как ни странно, наиболее крупные фигуры в истории мирового искусства наряду с выдающимися качествами имели и ряд лишь им присущих слабостей и даже недостатков. Ведь идеального художника, как, впрочем, и человека, наверно, не может быть. Ибо лишь бильярдный шар не имеет изъянов, а представляет выверенную и притертую поверхность. Свойства людского характера — бесконечно сложный «рельеф», не сразу познаваемый и не всегда разгадаваемый до конца. Естественно, речь идет о больших художниках, которые порою соединяли в себе почти несоединимые свойства...

Великие художники подобны цветам. Они приносят людям радость, постижение красоты. Немало в жизни этих растений неразгаданных тайн. Почему рододендрон в тайге цветет осенью, а не весной? На этот вопрос не ответит ни один ученый. Что заставляет цветы чувствовать добро и зло? Они реагируют на отношение к ним людей, раскрываясь навстречу ласке. Но... не меньше загадок предлагают нам судьбы живописцев. Почему одни из них пишут свои шедевры совсем молодыми, а потом их талант будто угасает? Иные раскрывают свой гений лишь с годами и в пору старости создают неповторимые жемчужины мирового искусства. Другие художники с юных лет буквально до кончины творят. Посетите зал Рембрандта в ленинградском Эрмитаже, и вы будто перелистаете странички жизни художника со всеми ее взлетами и падениями. На вас взглянет, улыбаясь, юная его супруга Саския в образе Флоры. Потом вы увидите «Данаю» — легендарную, но живую, ту же любимую им Саскию в пору расцвета славы и богатства мастера... И в том же зале вы познакомитесь с дряхлыми обитателями из амстердамского гетто и «Блудным сыном», написанным в год нищеты и смерти.

...Порою трудно поверить, как удивительно смыкаются судьбы живописцев и композиторов, поэтов и ваятелей. Еще мальчишкой, более полувека тому назад, мне посчастливилось видеть и слышать Антонину Васильевну Нежданову. До сих пор слышу ее хрустальный, единственный, будто проникающий в самую душу голос. «Сказка о царе Салтане». Большой театр. Помню дивную музыку, замечательные декорации. И вот наступил миг, когда на сцену вплыла в ладье Царевна-Лебедь. Все меркло вокруг от сияния ее красоты. Негромкие, но звонкие, как колокольчики, слова «Ты царевич мой прекрасный»... Мерцание золотых театральных лож и красочная радуга действия, музыка и Она — Нежданова — оставляли неизгладимый след вечной Красоты. В том же году в Третьяковке (в которой я до того бывал не раз) я пристально рассмотрел «Царевну-Лебедь» Врубеля и... остолбенел. Как смог художник остановить мгновение, как он воспроизвел саму музыку Римского-Корсакова! Тогда мне все это казалось таким же колдовством, как каменный цветок храма Василия Блаженного, как «Синяя птица» Метерлинка. Только с годами я узнал, что супруга Михаила Врубеля — Надежда Забела была первой исполнительницей роли Царевны-Лебедь в опере Римского-Корсакова, с которым очень дружила семья Врубелей. Так иногда приоткрываются секреты, связанные с судьбами рождений картин, опер, поэмы.

Всем известно влияние великого флорентийского поэта Данте, умершего в изгнании, на творчество не менее великого флорентийского художника Микеланджело Буонарроти.

Помню римское весеннее утро, когда Ренато Гуттузо сказал мне, загадочно улыбаясь: «Сегодня я приготовил тебе сюрприз. Должен признаться, что Гуттузо был не очень доступен, но имя моего учителя Александра Дейнеки, воспоминания о нем, разговоры о Юрии Пименове, очевидно, расположили мастера. Ренато показал свою студию, новые работы, кстати, большую серию копий с фресок Микеланджело... Но это особый разговор. Итак, Ренато Гуттузо, его супруга, специальный корреспондент «Правды» Николай Прожогин и я вступили на тер-

риторию Ватикана, государства, находящегося в самой столице Италии — Риме. «Вы сегодня увидите капеллу Паолина, — сказал Ренато. — Ее видело очень мало людей — ведь это личные апартаменты папы римского». Молчаливые швейцарские гвардейцы. Тишина. Гулкая анфилада зал ватиканских. Растворяется множество дверей, и... перед вами две гигантские фрески, созданные Микеланджело.

Я уже однажды писал в «Огоньке» подробно об этих росписях. Главное для меня произошло позднее. Дело в том, что в тот выходной день музей Ватикана оказался пуст. Мы шли по безлюдным, молчаливым залам. Сикстинская капелла. В обычные дни там было невыносимо тесно. Бездна туристов. Негромкий, но непрерывный рокот тысячной толпы взволнованных людей. Жара. Все это отвлекало от пристального разглядывания шедевра, вершины мирового искусства.

Свершилось то, что бывает раз в жизни... Пустое пространство. Неяркий прозрачный свет, льющийся из узких окон, и... горящие, поющие, кричащие, орущие стены, и... тишина. Бинокуляр помог четче видеть детали фресок. Я лег на одну из скамеек и стал вглядываться в роспись плафона. Казалось, сотни раз виденные в репродукциях, они гляделись будто впервые. Ибо ни одна копия не может передать мощи и обаяния кисти Буонарроти в оригинале... «Рождение человека». Только что будто разбуженный ото сна Адам восстал из праха. И это состояние рождения нового существа гениально отражено кистью флорентийца. Вся энциклопедическая глубина знаний мастера, его любовь к Данте, неподражаемая пластика и главное — духовная чистота помыслов неистового ваятеля, ставшего по велению папы живописцем, — все, все это сотворило чудо.

Изумленный юный гигант — Адам, еще не осознав своей силы, взирает на мир. Его ожидает судьба миллиардов людей, но он не знает еще ни горестей, ни радостей.

Пожалуй, именно Микеланджело больше других приоткрывает завтрашний день изобразительного искусства, способного выдержать любое соревнование с телевидением, видео, стереокино, голографией и всеми другими чудесами будущих массовых средств культуры. Его стезя — стезя художника-мыслителя, способного объять мир и звать человека к новым свершениям. Эта роль мастера — поэта, философа — обозначает грядущее призвание живописца и ваятеля.

Классика... Сколько раз это слово подвергалось нападкам. Несметное количество бумаги изведено ретивыми борзописцами, чтобы доказать, что именно классика тормозит развитие искусства, что она консервативна и лишь создает преграды прогрессу и новациям. Особенно сильным гонениям творения истинных мастеров прошлого подверглись в начале нашего века. Почему? Думается, что этому было несколько причин.

Салонное официальное и академическое искусство, частенько используя каноны классики (лишь внешне), весьма оплошало, особенно для широких кругов зрителей, представление об истинном совершенстве художников античности или Ренессанса. Ведь маньеризм салонных живописцев и рутинерство академических корифеев совершенно искажали живую плоть созданий Боттичелли и Рафаэля, Тициана и Веронезе. Салонные «виртуозы» изготавливали лишь бледные, несовершенные реплики, вовсе не похожие на гениальные картины старых мастеров. Но зло таилось не только во внешнем подражании и некоей схожести этих подделок. Самое неприятное была пошлость, сквозившая в полотнах модных маэстро парижских и иных салонов и академий. Их полотна были лишены трепета жизни и той недоступной простоты обобщения, той искренности и пристрастия, которые присущи лишь великим. Холсты Кабанеля и других напоминали муляжи, сфабрикованные с великолепных картин далекого прошлого.

XIX век принес нам победные веяния французских импрессионистов, открывших новое, свежее ощущение окружающего мира. Вместе с понятием пленэр возникла небывалая еще никогда донныне светлая, насыщенная более сочными, холодными цветами живопись. Но создание пленэрных полотен требовало не только сиюминутного, мгновенного касания с натурой, рождавшего впечатление, но и властно заставляло работать, искать. Словом, каждый новый холст должен быть подвигом, высотой, с боем завоеванной талантливыми художниками. И Эдуар Мане, Клод Моне, Дега, Ренуар, Сислей, Писсарро были такими людьми. Известно, что рядом с подвижниками и первооткрывателями в искусство тогда хлынуло несметное количество дилетантов и средних художников, которые, усвоив лишь одно качество — модность, стали изготавливать тысячами пестрые, порою безвкусовые картины, наносившие ничуть не меньший вред настоящему искусству, чем иная салонная продукция. Более того, с годами именно эти имитации холстов импрессионистов создали новый Салон и стали новой рутинной. С той лишь разницей, что подобные опусы уже вовсе не требовали академической школы, знания рисунка и самых элементарных основ композиции.

Принцип этой волны был: «Чем странней, тем лучше».

У поэта нет карьеры, у поэта есть судьба. Эта крылатая фраза относится в полной мере ко всем творцам планеты. Ведь настоящий смысл житейского слова «карьер» — достигать и брать. А настоящий творчество — преодолевать, достигать и отдавать всем. И именно в этом ощущении вселенской принадлежности своего дара и есть то иногда поразительное подвижничество многих — от Микеланджело до Сурикова, до Ван Гога... И когда «первый художник мира» Буонарроти, в конце жизни владевший многими тысячами дукатов, все же не менял своего привычного рациона питания — кусок хлеба и стакан дешевого крестьянского вина, — в этом было не чудачество аскета. В этом была благородная отрешенность анахорета, привыкшего изначала к судьбе мастера и познавшего смысл в пиршестве духа. Вчитайтесь в его биографию. Вы обнаружите, как далеко его бытие от банального понимания слова «карьер».

Даже такой «удачник», как Рубенс, достигнув вершин придворной славы, все же сумел в конце концов порвать золотые путы и отдался

в последние годы лишь творчеству и семье, создав неумирающие полотна.

Ощущение невыполненной сверхзадачи, тяжкий груз таящегося внутри запаса чувств и знаний, еще не высказанных всем людям, не оставляли больших художников никогда.

Прочтите щемящие строки, начертанные Гоголем: «Жизни! Жизни! Еще бы жизни! Я ничего еще не сделал...» Вчитайтесь. Эти слова сказаны человеком, написавшим уже «Ревизора» и «Тараса Бульбу».

...Вспомните, если вам доводилось бывать на море, то тревожное состояние, которое охватывает невольно душу в пору заката солнца. Казалось, безбрежное пространство водной глади ликует, озаренное огненным шаром. Бездонное небо словно охвачено мерцающим сиянием. Краски пейзажа должны бы лишь радовать глаз — так красиво и гармонично их соцветье. Но... Длятся мгновения. Все ниже и ниже опускается дневное светило. Пустынной и пустынной становится необъятное пространство, будто зовущее куда-то...

Подобное ощущение не раз испытываешь, глядя на полотна старых мастеров. Радость и грусть. Свет и набегающие тени. И, наконец, счастье встречи с шедевром и неотвратимая печаль расставания. Все рядом. Покоряющая объемность, необъятность внутреннего мира художника невольно заставляют зрителя видеть себя, окружающее вовсе не так, как до встречи с творением искусства. Недаром иные произведения музыки, поэзии, живописи сопровождают человека всю жизнь и заставляют его как бы сверять себя, вслушиваясь в звуки симфонии или песни, вчитываясь в строки любимой поэмы или романа, глядясь в черты дорогой твоему сердцу картины.

Где-то в начале XX века произошел удивительный феномен. Человечество, казалось, достигло невероятных по масштабу и охвату научных открытий, буквально перевернувших людское представление о мироздании, о фундаментальных явлениях в области физики, биологии. Были открыты кванты. Ученые распознали роль генов в развитии человека. Отверзлись тайны недр атома. Произошла глобальная научно-техническая революция. Думалось, что ж и о п и с ц ы, проникнув в самые сокровенные тайны природы, материи, ответят на подобный взлет познания адекватным подъемом в области культуры. Ан нет! Случилось нечто непостижимое. Известно, что любое открытие в области науки, каким бы неожиданным оно ни было, есть продукт огромной работы по освоению опыта предыдущих поколений, суть осмысления и переосмысления традиций. Вспомните слова Ньютона, что он никогда не видел бы так далеко, если бы не стоял на плечах гигантов. Но дерзкие «новаторы» нашего столетия с чьей-то легкой руки решили, что традиции реалистического искусства прошлого — чужь. Тлен и старье. И храбро стали опрокидывать кумиры. Так, они предлагали уничтожить шедевры Рафаэля, Рембрандта, других титанов искусства. Идолом этих художников были провозглашены динамика, экспрессия и... абстракция. Все фигуративное (так они обзывали реалистическое искусство) было объявлено косным и старомодным.

Взрыв абстракционизма не принес человечеству ничего, кроме попытки сокрушить традиции и начать отсчет с нуля. С каменного века. Думаю, что не следует снова описывать возникшие как грибы формалистические творения, которые смог бы написать хвост осла. Самое радостное для людей, создававших подобные опусы, было то, что они позволяли себе ничего не уметь, ничему не учиться, то есть не быть мастерами. Теперь стало ясно: «абстрактная революция» в области искусства провалилась. Прочтите эти строки из американского журнала, недавно вышедшего из печати: «В последние годы современная живопись обратилась к забытому сюжетно-тематическому жанру. Ранее мало кто из художников позволял себе даже намек на какое-то содержание в своих работах, чтобы не прослыть несозвучным модернизму и виновным в ереси иллюстрирования. Но теперь, когда модернизм распадается, ему на смену приходят новые течения, в том числе и сюжетно-тематическая живопись — оригинальная и интересная. Эта живопись не та, к которой мы привыкли, но в этом и заключается отчасти ее успех: художники 80-х годов передают содержание своих картин по-новому, и их успех может возродить к новой жизни одну из великих традиций искусства».

Комментарии излишни.

Чем больше характеров и индивидуальностей художников раскрывается перед нами, тем все величественнее предстает сонм подвижников, отдавших себя и свое творчество раскрытию миллионам людей всеобщности Красоты. И как бы далеки по времени, по географии ни были эти живописцы, трепетная песня их пламенных и смятенных сердец доносит до нас неповторимое ощущение эпохи, в которой они жили и работали. И когда ныне нам достается счастье глядеть на еще неведомый шедевр, то изумленное чувство отмечает неизбежно новое.

Поразительно, что, как ни разны бывают сюжеты картин мастеров, все же главное, что объединяет их взгляды, — они любили Родину, жизнь, людей, они были привержены священной чувству — гуманизму. И сколь бы сложны были биографии этих живописцев, как бы ни неожиданна становилась судьба любого из них, какие бы барьеры и неодолимые препятствия ни ставил перед создателем картин всесильный Рок, — все же неистребима жажда истинных художников к человеколюбию, Человеку всегда побеждала.

Сегодня, как никогда, наша планета подвергается опасности ядерных катаклизмов, способных положить конец цивилизации, уничтожить саму жизнь на Земле. Поэтому сражение мрака и света, красоты и уродства, жестокости и добра не предмет философских споров. Это вопрос бытия!

Но как ни страшны силы мрака, им противостоят могучие силы прогресса. Наша правда жизни, будущее.

Шедевры искусства... Они на стороне сил света и добра. Прекрасное делает человека человечнее, а значит, сильнее и непобедимее.

Временная «квартира».

1 июня —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ЗДРАВСТВУЙ, КРОХА!

Столько окон... Где-то наше!

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Вы думаете, так уж легко и просто запеленать ребенка? Вот он перед тобой, сама нежность. Даже собственные руки кажутся грубыми и неуклюжими. Тут и многоопытные бабушки робеют. А если это в первый, в самый первый в жизни раз?.. И еще слегка кружится голова, и не тверды ноги после всего перенесенного? Но именно в том и есть великое счастье материнства, что забываешь о самой себе и стараешься делать все сама, поскорее, поскорее...

Вероятно, пошли навстречу этой всепоглощающей святой любви и постарались удовлетворить ее наиболее полно в родильном доме 15-й городской больницы города Москвы. Все учтено и во внутренней планировке громадного семизэтажного корпуса, что в Вешняках. На пятом и шестом этажах — комнаты-боксы, которые так и называются: «Мать и дитя». В палате только двое: роженица и ее малыш в кроватке на колесиках. Уже на второй день после его рождения мать

подходит к ребенку, совершает под наблюдением медсестры его утренний туалет, пеленает, взвешивает, кормит. Кормить тоже не просто. Это и радость, но и наука и, если хотите, труд.

На третий день женщина все процедуры выполняет вполне самостоятельно, на пятый, если все в порядке, можно смело идти домой: школа пройдена, мама привыкла к ребенку, знает, как с ним обращаться.

— Нравится вам такая система?

— Очень! Я просто в восторге, — говорит инженер Надежда Стенина. — У меня второй ребенок. Первый был семь лет назад, все позабылось. Пришлось обучаться сначала. И как это тут легко получается! Предусмотрено все до мелочей.

— Спасибо тем, кто это так все придумал, — поддерживает Стенину другая мама, ткачиха комбината имени Щербакова Зоя Ишуткина. — Сестры здесь замечательные, приветливые. Если в чем-то я засомневалась, вызываю сестричку: для этого есть специальная сигнализация. Сразу же прибегают, помогут.

— А для меня важнее всего вот что: ребенок при мне, и я спокойна. И он это чувствует.

Яна — третий ребенок в семье перевязочной сестры этой же больницы Татьяны и сталевара Николая Крючковых. В устах медицинского работника эти слова приобретают сокровенный смысл.

Давно замечено, что малышу передается состояние души и настроение матери, и не только с грудным молоком, в которое в момент нервно-эмоционального напряжения усиливается выброс гормона тревоги — адреналина.

Но тут, на шестом этаже, благоговейный покой. Отдыхают мамы, спят крохи. Тишина.

Боксы «Мать и дитя» применяются в некоторых московских родильных домах. Но там палаты на двух и четверых мам и новорожденных.

Забота о ребенке начинается еще раньше, до его рождения. В нашей стране создана система государственных и общественных профилактических и лечебных мероприятий, обеспечивающих антенатальную, как говорят медики, охрану плода. Вспомним, какая была высокая смертность детей в царской России, сколько их погибало от эпидемий. Вспомним, что только до десяти процентов городских жительниц были обеспечены медицинской помощью при родах, а в деревне — всего лишь до двух процентов рожениц. Вспомним, 28 декабря 1917 года в составе Наркомата социального обеспечения был создан отдел охраны материнства и детства, который начал организацию женских и детских консультаций, детских яслей, домов матери и ребенка... А через пять лет было создано научно-исследовательское учреж-

дение, ныне Институт педиатрии Академии медицинских наук СССР. Сейчас в стране 26 НИИ педиатрии и 360 соответствующих кафедр вузов. Вот и этот родильный дом, в котором мы находимся, тоже подопечный, базовый одной из таких кафедр, а именно Медицинского стоматологического института имени Н. А. Семашко. Возглавляет кафедру главный акушер и гинеколог России, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР В. Н. Серов.

На помощь научным сотрудникам и врачам пришла современная техника. Различные мониторы, ультразвуковые аппараты, физиотерапевтические приборы. С их помощью ведется непрерывное наблюдение за состоянием плода: в каких он находится условиях — комфортных или страдает и чем ему помочь и как; как работает сердце; определяется степень готовности к родам, и применяются соответственно к каждому случаю свои решения. А в родильном блоке широко используется электроанальгезия — обезболивание при родах.

Большая научно-исследовательская работа ведется по предотвращению гнойно-септических заболеваний у матерей и новорожденных. Профессором В. Н. Серовым и его сотрудниками разработана, внедрена и впервые успешно применена методика профилактики перитонита, который порой может возникнуть при осложненных родах. Она полностью оправдала себя: в этом родильном доме, как и на других опорных базах кафедры, не наблюдалось ни одного случая воспаления брюшины.

И, конечно же, в центре внимания — сами детишки. Особенно те, которые родились досрочно. Вся трепетная жизнь их в буквальном смысле этого слова на виду — под прозрачными колпаками кювезов, в которых поддерживается определенный микроклимат. Они еще не скоро попадут к мамам, но тем не менее постоянно находятся в надежных, ласковых руках медицинских сестер. Любо было смотреть, как одна из них, Ирина Еленевская, открыла кювез и, держа одной левой рукой голыша, спокойно поднесла головку ребенка под кран с обыкновенной теплой водой и стала правой рукой намывать волосики. До того шумно егозвивший голышок по фамилии Петрова (девочке родители еще не успели дать имени) мгновенно успокоился и блаженно воспринимал теплые струи.

24 апреля 1982 года в светлом здании на Вешняковской улице появился первый младенец. Сегодня счет пошел на восьмую тысячу. Тысячи начинают здесь под пристальным наблюдением врачей, сестер и нянь свой жизненный путь. Им жить, этим маленьким гражданам, создавать и творить в двадцать первом веке.

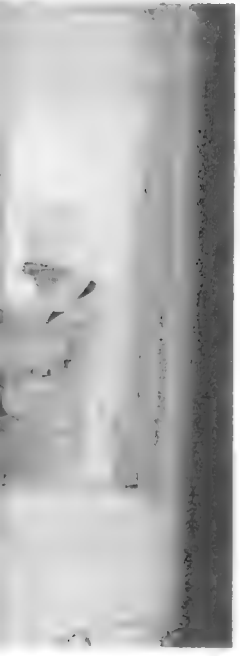
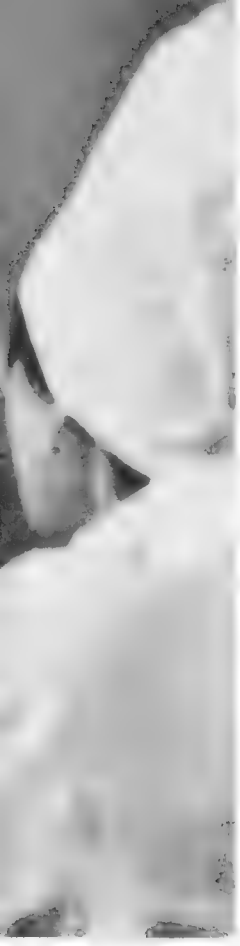
Консультацию проводит доцент И. Б. Манухин.

Утренний обход.

Главный врач роддома Юрий Михайлович Местергази.

Спи, малыш, набирайся сил.

Людмила ШАМЕНКОВА

РАССКАЗ

Рисунок
Е. ШУКАЕВА

Едва Сима разобрала постель, как в дверь постучали, и Паня, соседка, сказала:
— Черт старая, опять очки забыла... А потом будешь искать.

Сима высунулась в коридор и ответила:
— Господи, как ты мне надоела!

Шаркая туфлями, она прошла в ванную и взяла со стеклянной полочки забытые очки.

Комнатка у Сими маленькая. Кроме Сими, в квартире живет еще одинокая Паня и семья из трех человек: муж, жена и ребенок. Из-за стены Сима слышит каждую ночь, как ребенок ревет басом, а мать, нервничая, наподает ему по мягкому месту, приговаривая: «Перестань сейчас же». Живет Сима хотя и в своей отдельной комнате, но покоя у нее нет. Она волей-неволей попадает в орбиту мелочной толчеи всей квартиры, ругается из-за пропавшего мыла или разбитой тарелки, из-за уборки мест общего пользования, из-за пеленок, замоченных в ванне или висевших на кухне над столом, где едят. С годами у Сими не притупилось чувство ужасного неудобства из-за вечной тесноты и скученности, да и просто из-за того, что чужие люди постоянно ей в чем-то мешали.

Симе было уже далеко за сорок. А в эту пору, когда надежд на перемены нет, хочется, чтоб никто за тобой не подсматривал.

Маленькая, с плохонькими волосами, с тонкой, жилистой шеей, напрягшейся, будто от крика с галерки, она знала, что никому не нужна. Но, к счастью, прежде, чем она это узнала, она нашла свою идею, цель и смысл

В классе тоже ощущался театралный, неподнятый дух. Обсуждались премьеры, напевались мелодии недавно услышанных арий. Однажды одна из девочек принесла с собой фотографию, на которой был изображен известный в то время тенор.

Он был снят в костюме Герцога из оперы «Риголетто», и этот костюм почему-то очень понравился Симе; она выпросила у подруги фотографию и во время уроков подолгу ее рассматривала. Лицо Герцога казалось ей необыкновенным, а белый кружевной воротник и рукава с прорезьями в виде фонариков уносили в такую старину, к такой несбыточной жизни, что у Сими замирало сердце. А в классе воинственно спорили о приоритете этого тенора перед другим, не менее знаменитым. Дошло до того, что на большой перемене кто-то разлиновал классную доску пополам. На одной стороне появилась надпись: «Кто за Л.», на другой — «Кто за К.». Стали считать разделившиеся голоса. Сима подняла руку в пользу своего Герцога, и, ко всеобщему ликованию подруг, оказалось, что ее избранник вышел победителем в этом конкурсе.

Впрочем, обычная жизнь была совсем непохожа на театр. Симиная мама работала машинисткой, и редко когда у них в доме был приготовлен обед из трех блюд. Чаще всего его заменяла картошка. Но это нисколько не огорчало Симу. Придя домой после занятий в школе, она устраивалась на диване под черной тарелкой репродуктора и слушала.

Помните вы те времена, когда по радио передавались целые оперы — от начала до конца? Помните эти черные, шуршащие, как фотографическая бумага, тарелки, эти регуляторы в виде гаек, которые надо было подкручивать, чтобы улучшить звук, очистить его от помех? Как свободно лилась тогда из динамика музыка, никому не надоедая, ни у кого не вызывая раздражения, лилась, не боясь наскучить, спокойным утверждением долгожданного мира, гордым напоминанием о том, что все уцелело, живет.

Как-то передавали оперу «Богема». И Сима замерла, завороченно внимая рассказу бедного парижского художника по имени Рудольф. Полумрак чердака, две фигуры, склонившиеся в поисках обретенного ключа. И вот исчезла, унеслась куда-то комната, где жила Сима, пропали и венский стул, на котором она сидела, и старенький комод с кружевной накидкой, и качающаяся бамбуковая этажерка с реденькими рядами книг... Она была Мими, парижской цветочницей, и ей Рудольф рассказывал о себе...

рые садились на трамвай «Аннушка» и растворялись в ночной темноте недалеких окраин.

На одном из спектаклей Сима оказалась в ложе второго яруса, где полная брюнетка по имени Ляля руководила целой ватагой визгливых поклонниц знаменитого тенора. После каждой арии черноволосая Ляля неистово била в ладоши, издавая оглушительные хлопки, и в такт ей шумели поклонницы, выкрикивая: «Браво!» Симу удивило, что Ляля вроде бы к музыке не прислушивалась, а была занята тем, что то и дело поливала водой из литровой банки принесенные цветы. После первого действия, грузно перевесившись с яруса, она ловким движением послала букет прямо к ногам вышедшего на авансцену певца, и он изящно поднял букет и поднял голову вверх, красиво кланяясь и благодаря. Восторгу Ляли не было предела. «Пойдемте вниз!» — скомандовала она своей ватаге после спектакля, и все устремились караулить обожаемого кумира. Сама не зная зачем, Сима увязалась за разгоряченной толпой и вскоре оказалась на улице перед служебным входом в театр. Вся Лялина группа стояла наготове, и как только в дверях показалась фигура артиста, все бросились к нему, окружили, стиснули... Когда он уехал, Ляля сказала:

— Не взял,— и сунула в сумку объемистый сверток.

Так Сима вступила в орден почитательниц знаменитого тенора. Она не пропускала ни одного спектакля с его участием. «Риголетто», «Травиата», «Севильский цирюльник», «Демон» — эти оперы она знала наизусть, но особенно упивалась Ленским. Так случилось — и кого в этом винить? — что пушкинский «Евгений Онегин» был прочитан и выучен ею наизусть после оперы.

Сима прочно втесалась в ораву восторженных обожательниц певца и принимала участие во всех их облавах, выслеживаниях, преследованиях и даже вымогательствах ответного внимания.

Она сопровождала тенора повсюду. Слоняясь за ним вдоль забора подмосковного санатория, где он отдыхал, она, видно, так его разозлила, что он в сердцах бросил в нее увесистую палку. О, с каким ликованием она вцепилась в эту трость, запущенную в нее от злости, как целовала и прижимала к груди своей драгоценный трофей! Это было началом ее домашнего музея, в котором хранились такие дорогие реликвии, как афиши, программы, фотографии и, наконец, предметы туалета певца, купленные ею на последние деньги у портных мастерской Большого театра.

ПОКЛОННИЦА

своей жизни, и служение этой идее спасало ее позднее от многих разочарований и укрепляло в уверенности своего особого призвания.

В ту пору, когда судьба повернула ее к подвижничеству поклонения, ей было четырнадцать лет. Училась она в женской школе в том районе Москвы, где сам воздух был как бы пропитан запахом театральных кулис. Каждое утро, шествуя по дороге в школу, она если не плечом, то взглядом слегка касалась добротного здания из красного кирпича, такого же плотного и шероховатого, как два неотделимые от него слова: «театр Корша». Иногда на середину улочки откуда ни возьмись выплывало разноцветное облако из легких, собранных вместе балетных пачек — еще чуть-чуть, и казалось, они взвывают в небо, унося на своих тугих от крахмала, дерзко торчащих крыльях и женщину, которая их несла.

Сима как завороченная шла за этим сказочным облаком, рисуя в воображении сцены из «Щелкунчика» или «Спящей красавицы». И странным казалось ей, что ворох сказочных пачек движется по улице рядом с машинами и пешеходами, будто газет в руках почтальона или хлебный фургон.

Черная тарелка, висевшая на стене, стала для Сими путеводной звездой, сиявшей во мраке Вселенной. Бывало, мать забудет включить радио, и вот уже после полуночи начнется концерт мастеров искусств. И спать невозможно, и такое волнение охватит, такой томительный восторг переполнит душу, что кажется, еще немного, и из глаз хлынут слезы. Сколько раз Сима засыпала с фотокарточкой Герцога под подушкой. Слышать голос певца стало для нее потребностью. И она сделала заведомо опасный шаг. Этот театр, завсегдатаем филиала Большого. Этот театр, заселенный на Пушкинской улице, нравился ей даже больше, чем сам Большой. Здесь царил дух особенной, домашней теплоты. Публика приходила сюда с работы, одетая кто во что горазд. Некоторые женщины даже не снимали зимних ботинок с меховыми отворотами по моде того времени. Приходили на весь вечер и сидели, никуда не торопясь, до полуночи, благоговейно впитывая все четыре действия спектакля. Во время длинных, по двадцать минут, антрактов, там же не торопясь, прогуливались по фойе, пили лимонад в буфете, а когда спектакль кончался, расходились по домам, исчезая с проходных дворов Петровки, Неглинки, Столешникова, а некоторые

Сима знала почти все о частной жизни своего кумира, выуживала малейшие подробности, имевшие к нему отношение. Он был для нее всем — любовью, смыслом существования, притяжением всех ее чувств и помыслов. Он невольно понуждал ее к изнурительному труду за машинкой: она стремилась заработать, чтобы купить для него дорогой подарок ко дню его рождения или в честь юбилейного спектакля. Она была самой преданной из всех его многочисленных поклонниц. Он узнавал в толпе ее потертое пальтишко, ее обожающее, некрасивое лицо с вытянутой шеей, и не было для нее большего счастья, чем ощутить его взгляд.

Услышав весть о смерти его жены, Сима часами не отходила от дома своего божества или сидела на ступеньках лестницы, дожидаясь, сама не зная чего. А потом она незаметно слилась с толпой на похоронах. Когда все кончилось, Сима в страшном волнении, не зная, как поступить, топталась на влажной дорожке, посыпанной песком, и чувствовала, что уйти не может. Она рванулась было вслед за удалявшимся Герцогом, окруженным предупредительной толпой, но что-то ее остановило, и она со сцепленными руками задержалась у

какой-то могильной плиты и расплакалась. В глазах у нее — словно бы застывшее лицо Герцога, скованное нежеланием выдавать свои чувства на обсуждение толпы. Он стоял неподвижно, как Каменный гость, и казалось, это стоило ему немало душевного напряжения. Сима знала, что он любил свою Виолетту, ах, как прекрасен был их дуэт в «Травиате», как чутко сливались их голоса в последней сцене, от которой у Сими разрывалось сердце! Мысль о невозможности счастья казалась ей отвратительно несправедливой. Почему так жестока жизнь, думала Сима, если все, что есть у человека дорогого и светлого, обречено на тоску и гибель? На сцене умирали Ромео и Джульетта, гибли Виолетта, Ленский, Джильда. Единственной оперой, вселявшей надежду на счастье, был любимый Симин «Севильский цирюльник», где граф Альмавива появлялся в последнем действии в переливающимся драгоценными камнями kostюме и можно было полюбоваться его удивительно стройными ногами, в белых шелковых чулках и белых башмаках с блестящими пряжками. Но радости даже на сцене было значительно меньше, чем горя.

Что же будет с Герцогом? Ведь через неко-

торое время он должен появиться на сцене в гриме возлюбленного Виолетты, ох, господи, да сможет ли он сжать руку другой Виолетты, зная, что не театральная, а действительная болезнь унесла жизнь его возлюбленной и жены?

Впервые Сима почувствовала не оперное, а настоящее, живое горе. Домой она пришла сама не своя. Даже ее мать, обычно невнимательная, поглощенная своей тоской, спросила ее: «Ты что?» Сима, еще не успокоившись после пережитого на кладбище волнения, поглядела на мать в оцепенении, молча перенося на нее свое открытое горе, и вдруг через смерть, в сущности, посторонней для нее женщины и через представляемое одиночество своего кумира отчетливо поняла, что ее мать все эти годы беззвучно и безнадежно страдала на глазах у родной, ничего не понимающей дочери. У Сими дрогнуло сердце... А ведь мама любила отца... Легкая, черноглазая мама. Она лежала на постели, завернувшись в халатик, который едва прикрывал ее белые худенькие колени. Ах, если бы Симе было больше лет, чем ее семнадцать, то она бы, конечно, поразила, как молодо выглядит мать, несмотря на неутраченную боль души и жалкую, тихую

бедность их жизни, которая, впрочем, не мучила их обеих, так как бедно в те первые годы после войны жили почти все. Но почему, удивилась Сима, никогда раньше ей не приходило в голову, что мать страдает?.. Черное слово «смерть» как-то не увязывалось с глупым самодовольством Симиной молодости. Когда отец ушел, ей было одиннадцать, и она мало что понимала. А когда принесли похоронку, она уже привыкла и к его отсутствию и к мысли, что он не вернется, как не вернулись отцы почти у всех учеников из их класса. Симины подруги, быть может, не до конца осознали, что с ними произошло, иначе они бы не учили грамматику, не писали бы записок, не расхватывали бы теплых бубликов, которые вносились в класс на большой перемене на деревянном подносе, рассчитанном на сорок ртов. Да и сама Сима не считала себя исключением. Когда происходит что-то похожее на то, как у других, то и твое, переносимое, становится привычным, как у всех. Но сегодня, побывав на кладбище, Сима почувствовала, что стала другой. Иначе как объяснить ее сматывание перед свернувшимся маминым тельцем, таким одиноким и брошенным, таким беззащитным и жалким? Глаза у Сими снова налили слезами. Справившись с собой, она сбросила туфли, надела тряпичные унты, простеганные наподобие ватника, и под села к матери. Она хотела сказать ей много, очень много важного, но не могла. И тихо спросила: «Чай пить будем?» «Будем, — сказала мама. — Я подушечек купила двести грамм».

Однажды, увидев Симу, как всегда, сидевшую на холодных ступеньках в подъезде, Герцог вежливо поздоровался с ней. Симино сердце учащенно забилось, но радости она не испытала. Герцог скользнул по ней взглядом, будто она была не человек, а предмет вроде ржавой батареи, возле которой Сима отогревала руки, вдевая их в щели горячих секций. А ведь к тому времени чувства Сими приобрели несколько другой характер. Из глупой девчонки, смутно тоскующей по любви и неясному идеалу и потому избравшей своим кумиром недостижимого рыцаря оперной сцены, она превратилась в девушку, познавшую горечь безнадёжности. У нее не было друзей из числа мальчиков, знакомство с которыми в силу раздельного обучения достигалось ценой неисчислимых жертв: мальчиков заманивали на школьные вечера, где они подпирали стены; шли на каток «Динамо», на Петровке, где собирался «цвет» московской шпаны, обитавшей в коммунальных квартирах прилегающих кварталов. Сима была там всего один раз, одолжив по этому случаю «гаги» у Розки Глинской, но чувствовала она себя на льду совершенно беспомощной, да еще в неимоверной ширине байковых штанов, болтающихся на ней, как на вешалке. Дело кончилось тем, что бахрушинские огольцы раза два сшибли ее с ног, заставив прокатиться на пятую точку до самого забора. После этого она проковыляла в раздевалку, где стайка ребят, возглавляемая Вовкой Давыдовым по кличке Ученый, разбиралась с каким-то новичком, пытавшимся устанавливать свои порядки. Да, на катке все места были заняты, и ей, Симе, в ее широких штанах, здесь нечего было делать. С тех пор Сима не появлялась на катке. Всю свою жажду любви, все свое ожидание чуда она сосредоточила на Герцoge.

У Симиной мамы была приятельница-косметичка, которая умела делать какие-то необыкновенные кремы. Через нее Сима познакомилась с плотником, работавшим за кулисами филиала Большого театра. Он-то и устроил Симе посещение репетиций, где был занят ее обожаемый Герцог. Проникнув в темный зал, Сима сидела в течение всех часов черновой театральной работы, как во сне, и веря и не веря своему счастью — наблюдать за тем, что было недоступно другим. Она научилась внимательно слушать, ее не утомляли повторы одной и той же музыкальной фразы. Ей все было интересно и ново, особенно ее Герцог в обычном костюме, без грима, с уже начинающей сидеть головой.

Так они старились. И незаметно дожили до той поры, когда Герцог перестал блистать на сцене, как раньше, а лишь изредка выступал с сольными концертами. Когда двое рослых служителей консерватории в форменных костюмах, нутужась, несли через проход партера

тяжелую корзину цветов под бурные овации слушателей, мало кто из них знал, что эта корзина, стоившая месячной зарплаты машинистки, была от Симы, незрочной женщины с выпуклыми, обращенными в сторону кумира глазами.

К тому времени былую знаменитость покинули многие когда-то самые рьяные поклонники. Выйдя замуж, они обзаводились детьми и переключали на них свою непомерную нежность. Сима так и не нашла себе верного спутника жизни. А единственную свою опору — мать — потеряла. Оставшись одна, Сима доживала все в той же коммунальной квартире, в самом центре Москвы, на Петровке, и только старые, нерушимые связи ее с этим районом, где все было ей знакомо до мелочей, поддерживали в ней мужество и желание жить. А время шло. И все вокруг стремительно менялось. Исчезли даже старые названия центральных ресторанов: «Аврора», «Савой». Теперь у них были другие имена: «Будапешт» и «Берлин», как у поездов дальнего следования. Исчез и знаменитый каток на Петровке, где некогда царил в окружении свиты приверженцев синеглазый Вовка Давыдов и вертелась в своей коротенькой юбочке красивая Людка Полонская. Вся та прежняя жизнь, с ее пробуждением от долгой войны, с ее первыми подшевеваемыми французскими бейками, с ее повальным увлечением габардином, с ее робкими очередями за клером в Столешникове, с «прошвыриванием» по вечернему «бродвею», где тон задавали первые послевоенные стилисты, — вся эта жизнь стремительно откатывалась в прошлое, а на смену ей приходило другое. Старый романтизм домашнего слушания радио, просиживания в театрах, прогуливания по «Эрмитажу», где каждое лето выступал Райкин, вытеснялся появившимися внезапно новыми идолами — телевизором, а потом и магнитофоном.

Симин кумир еще не был забыт. Но театр, где он пел, где волновал сердца таких же, как она, поклонниц музыки, заняла оперетта. Все изменялось, все. И Симе было страшно. Она не могла понять, почему, в силу каких причин золотистый театр ее юности отдан на откуп легкомысленной оперетке. Зачем и почему понадобилось коверкать фасад театра, такой благородный и строгий, и превращать его в нечто безликое, с тяжелыми стеклами бесконечных дверей. С исчезновением милого ее сердцу филиала из Симинной жизни ушла часть эпохи, целый мир, заполненный незабываемыми чувствами. В театр теперь она уже не ходила. Радио слушала редко. Зато за машинкой она проводила значительно больше времени, чем прежде. Все требовало денег. И Сима, прежде не обращавшая внимания ни на свою внешность, ни на одежду, старалась подработать, чтобы не отставать от других. Она печатала, а ее кумир смотрел на нее с фотографии. В конце концов Сима так привыкла к его присутствию, что иногда ей казалось, будто она и впрямь связана с ним незримыми узами.

В дверь постучали. Голос Пани произнес сквозь щель:

— Слышь, Серафима, никак твой помер.

Сима сорвалась с места, включила радио. Передавали сводку погоды.

— Где? Кто? — вскрикнула Сима.

— Сейчас передали, скончался...

Сима сжала руки и замерла...

Она стояла у гроба в фойе Большого театра позади одетых в черное женщин. Тихо играла музыка. Поток людей медленно шел с улицы, перекрытой милицией. Шли люди, собиравшиеся когда-то в филале Большого, те, чья жизнь была неразрывно связана с пленительным голосом Герцога. Те, кто, быть может, не до конца понимал свою юность и вдруг понял ее только сейчас, когда оказался покинутым одним из властителей дум того времени, — с его наивной чистотой, верой в любовь и добро. Многие плакали, провозжая в последний путь своего любимца, как бы оплакивая себя — прежних, канувших в безвозвратное прошлое. Сима тоже плакала. А люди шли и шли. И многие сочувственно смотрели на не красивую женщину, должно быть, дальнюю родственницу певца, которая стояла в стороне от гроба, утопающего в цветах, и беззвучно рыдала.

Сергей КУЛИК

Фото автора

— Рад встречать вас на земле Лесото, стране народа басуто, где говорят на языке сесуто, — улыбаясь, приветствовал меня в аэропорту Роберт Молапо, ответственный сотрудник министерства информации. — Надеюсь, пересадка в Йоганнесбурге и плохое настроение, которое всегда остается после общения со стражами расистских порядков, у вас скоро растает. Как этот снег, что выпал сегодня ночью, но вскоре исчезнет под лучами восходящего солнца...

Я вышел из здания аэропорта, огляделся и не поверил своим глазам: нигде еще я не видел на черном континенте равнин, сплошь припорошенных белым покрывалом. Лесото нередко называют «крышей Африки». Эту «крышу» продувают дующие из Антарктиды холодные ветры, и поэтому африканский колорит и все, что с ним обычно ассоциируется — жара, буйство красок, богатство тропической растительности, — отступает на второй, а то и на третий план. Зато в глаза сразу же бросается ни с чем не сравнимое, собственное лицо этой «самой неафриканской» страны Африки.

Эта непохожесть на все ранее виданное в Африке так захватывает и поражает, что, опасаясь что либо забыть или упустить, я еще в машине, по дороге в гостиницу, начал свои лесотские записки:

«...Местные чернокожие мальчишки, словно наши, азартно играющие в снежки».

«Африканские женщины, вместо традиционной грозди бананов несущие на головах сетки с тривиальной капустой».

«Вдоль дороги не какие-нибудь хижинки из травы, крытые пальмовыми листьями, а каменные строения. Но это, конечно, не от зажиточности: в горах нет ни глины, ни деревьев — камень наиболее доступен».

«Одежда: везде на континенте, спасаясь от жары и духоты, люди стремятся раздеться. Здесь же почти все поверх европейского костюма накидывают одеяла, а на головах носят вязанные шапочки. А кое-кто даже щеголяет в меховых шапках. Вот так Африка!»

— Эти одеяла — дань моде или традиционная одежда? — спрашиваю я у Молапо.

— А, сразу же увлеклись местным колоритом, — понимающе кивает он головой. — Шерстяные накидки, или кубо, басуто носят с тех давних пор, как поднялись с жарких равнин в эти прохладные горы. Сейчас, конечно, многие заменяют их дешевыми фабричными одеялами. Однако приглядитесь и кое на ком вы еще увидите настоящие традиционные кубо. Их ткали и ткот из мохеровой шерсти, которую дают ангорские козы. У нас их около миллиона голов — самое большое стадо в Африке, третье по поголовью в мире. Естественно поэтому, что мы числимся среди крупнейших экспортеров мохера в мире. Но есть и оборотная сторона этого рекорда. Козы, десятилетиями вы-

тапывая землю и уничтожая молодую поросль, свели на нет все наши леса. Безлесные горы — это почти что синоним эрозии. В результате «бэдленд» занимает ныне более трех четвертей площади, ранее успешно использовавшихся нашими крестьянами. Такого высокого удельного веса пораженных оврагами бросовых земель больше нет нигде в Африке.

Р. Молапо прерывает свой рассказ: машина тормозит у подъезда отеля «Виктория».

— Передохните, а если не устали, пройдите по городу, — говорит мой спутник. — Заблудиться не бойтесь: Масеру — самая маленькая столица в Африке, всего лишь 30 тысяч жителей. А заблудитесь — не волнуйтесь. Хотя государственным языком у нас считается сисуто, объясниться по-английски может практически каждый. Более семидесяти процентов басуто умеют читать и писать. А это значит, что Лесото лидирует среди самых грамотных стран континента. Поэтому в отличие от других африканских государств главной задачей системы народного образования у нас ныне является модернизация сознания населения. В массе своей оно уже грамотное, но многие все еще живут по старым традициям. Но все басуто — приветливые, мирные люди. Недаром же, встречаясь друг с другом, мы вместо слова «здравствуйте» произносим «кхотсо», что означает «мир». А пока что я говорю вам: «Сала хантле» — «Счастливо оставаться».

Наскоро обжив свой номер, я вышел на гостиничную террасу. Снег на улицах уже исчез, однако подступающие со всех сторон к городу холмы все еще сверкали белизной под ярким солнцем. Зелени почти не было, но кое-где из-под снега проступали неестественно красные камни. Они-то и дали название столице королевства. «Масеру» на сисуто означает «место красных песчаников».

Холодный горный воздух был хрустально прозрачен. Редкие машины, нигде не спешившие прохожие, ритмичное постукивание копыт лошадей по брусчатке мостовой. Впечатлением умиротворения и покоя, столь чуждых суетливым африканским столицам, поражаля этот город.

Однако наслаждаться суровой красотой лесотских пейзажей долго не пришлось. Уже через несколько минут меня сжимал в своих объятиях Траоре Диоп — один из ведущих экспертов экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА), публицист и журналист, знакомый по совместной работе на многих международных форумах в Найроби и Аддис-Абебе.

— Что? Первый день в Масеру? Первый час? — обрушил он на меня вопросы с характерным для жителя Западной Африки темпераментом, вызвавшим явное удивление сидевших на террасе басуто — всегда «по-серверному» сдержанных и малословных. — А я

В СТРАНЕ АФРИКАНСКИХ ГОРЦЕВ

Жители сельской местности — хорошие наездники.

Когда подует южный ветер, делается прохладно.

уже здесь почти полгода: принимаю участие в составлении перспективного плана экономического развития.

— Экзотика, лесотская экзотика, — подтрунивая над моими судорожными попытками запечатлеть происходящее на пленку, засмеялся Диоп. — В первые дни я все это уже испытал сам. Наверное, как африканец, даже острее, чем ты. И снег, и меховые шапки, и лошадей. Басуто — это единственная в Африке к югу от Сахары нация наездников. Еще в середине прошлого века местные горцы отбили у шотландских миссионеров четырех скакунов, от которых и ведет родословную нынешнее 140-тысячное лошадиное поголовье. Здесь говорят так: «Лучше потерять деньги, но найти коня». Лошадь — это и признак маломальского достатка и определенная гарантия на будущее. Ведь большинство населенных пунктов этого королевства связано друг с другом лишь головокружительным серпантином троп, три-четыре месяца в году припо-

рошенных снегом. И поэтому лошадь здесь — основное средство передвижения...

Главная проблема страны — это граница. Лесото сегодня — единственное государство в Африке, не имеющее ни одного метра общей границы с дружественной, независимой африканской страной, но зато со всех сторон окруженное враждебной ему, агрессивной расистской ЮАР. «Страна в расистской ловушке», «королевство в капкане», «государство-анклав» — эпитетов в отношении Лесото в последние годы родилось множество. Все они верны, но ни один из них не способен полностью передать те огромные трудности, которые порождает подобное географическое положение.

Масеру — прифронтовой город в полном смысле этого слова: ведь сидя на террасе отеля «Виктория», мы находились от границы ЮАР на расстоянии всего лишь 2,6 километра по прямой. Примерно на таком же расстоянии, то есть в зоне достигаемости даже отнюдь не самого современного оружия, находятся и резиденция премьер-министра, и дворец короля Мошеша II, и любое другое правительственное здание, важнейшие экономические объекты. Расисты пользуются этим и порою бьют через пограничную реку Каледон прицельным огнем.

Таковы стратегические проблемы уязвимости этой страны, которую ЮАР считает своим должником. Экономические — не менее деликатны. Единственная железная дорога Лесото протяженностью всего лишь в 2 километра берет свое начало в Масеру, пересекает Каледон и сливается с сетью стальных магистралей ЮАР. Через них и только через них — выход Лесото во внешний мир. Существует, конечно, еще воздушный путь. Но он слишком дорог, да самолетом всего и не перевезешь, поскольку пути в Масеру, откуда ни лететь, опять-таки проходят над ЮАР. В августе 1983 года, например, ЮАР запретила Лесото перевозить по воздуху над своей территорией военные грузы. Стремясь оставить королевство безоружным, расисты задержали в порту Дурбана оружие, закупленное лесотским правительством.

Если взглянуть на карту Лесото, конфигу-

рация которого напоминает круг, то можно заметить: вся его центральная часть практически лишена населенных пунктов, в то время как по окружности, вдоль границы ЮАР, один городок или поселок жмется к другому. Получается нечто вроде «демографического бублика», возникновение которого объясняется отнюдь не любовью басуто к соседству с расистами. Подобную географию расселения определяют условия рынка труда в регионе.

Как я убедился впоследствии, путешествуя по этой стране, в любом из этих городков на пропускных пунктах в ЮАР сидят в ожидании автобуса завернувшиеся в одеяла мужчины. Во всех странах Южной Африки их называют «шибало» — отходниками. «Хождение на заработки» за границу — явление в современном капиталистическом мире довольно распространенное, оно не обошло стороной даже Западную Европу. Однако масштабы, которые приняло отходничество басуто в ЮАР, из ряда вон выходящие. В стране 1,3 миллиона жителей, из которых обычно 200—250 тысяч, а в иные годы до 300 тысяч человек превращаются в шибало. Это более половины трудоспособных мужчин-басуто и 10 процентов женщин. Переводимые ими деньги домой, заработанные ценою рабского труда в условиях расистского ада, в сумме составляют примерно 40 миллионов долларов в год. Так возникает еще один «феномен» Лесото: беспрецедентное, не имеющее аналогий в мировой экономике положение, при котором чуть ли не половина стоимости валового национального продукта создается не внутри страны, а за ее пределами.

Правительство и радо было бы занять всех басуто дома, но для этого у него нет ни рабочих мест, ни средств. Лишь 7 процентов мужчин могут найти работу в современном секторе экономики. Деревня? Лишь одна восьмая часть территории этого феодального королевства не занята горами и пригодна для ведения сельского хозяйства. Равнины перенаселены, поражены эрозией, вытоптаны скотом и поэтому не могут прокормить людей.

— Но, наверное, перспективный план экономического развития, в разработке которого ты принимаешь участие, намечает выходы из создавшегося положения? — спросил я у Диопа.

— На него и надежда, — утвердительно кивая головой, говорит он. — Представляешь, в первые годы после независимости единственным «промышленным» предприятием на все Лесото была крохотная церковная типография. Сейчас уже многое построено, еще больше — проектируется. «Крыша Африки» имеет свою специфику. Главное ее богатство не земля или полезные ископаемые, а... вода. Да, да, вода, огромные гидроэнергетические ресурсы Каледона, Оранжевой и других крупнейших рек субконтинента, берущих начало в горах Лесото. Там же, среди заоблачных вершин Драконовых гор, начинается освоение единственного пока что известного минерального богатства страны. Правда, это не что-нибудь, а алмазы.

— Организовав разведку алмазов с помощью Организации Объединенных Наций, мы настояли на присылке в Лесото специалиста из Советского Союза, — заявил в беседе со мной нынешний министр иностранных дел королевства Р. Секоньяна. — Мы опасались, что западные геологи, связанные с юаровским алмазным королем Г. Оппенгейером, не заинтересованы в развитии нашей национальной экономики и поэтому замалчивают правду о наших минеральных богатствах.

Так началась «лесотская одиссея» Геннадия Смирнова — кандидата геолого-минералогических наук, имеющего большой стаж работы на родине, участника успешных поисков алмазов в Советском Союзе. Страстный энтузиаст своего дела, он даже во время наших поездок по стране не расставался с геологическим молотком... «Я верю в кимберлиты Лесото, в то, что здесь будут открыты новые месторождения алмазов, — говорил он. — И не только в горах на востоке, но и на западе, в районе плато». Вскоре эти его предсказания подтвердились: алмазы найдены неподалеку от Масеру.

Масеру — Москва.

ОДОБРЯЕМ РЕШЕНИЕ НОК

Дмитрий БИЛОЗЕРЧЕВ,
абсолютный чемпион мира
по спортивной гимнастике

Мне 17 лет, и в Олимпийских играх я, конечно, еще не участвовал, но много слышал об Олимпиадах от старших товарищей. В памяти навсегда сохранились Игры, проводившиеся в Москве, ставшие настоящим праздником для спортсменов и зрителей благодаря прекрасной организации соревнований, а также дружелюбному и объективному отношению зрителей одинаково ко всем участникам.

Четыре года тому назад я даже не мечтал об участии в следующей Олимпиаде, а теперь, к сожалению, моим мечтам не суждено сбыться.

А ведь к соревнованиям в Лос-Анджелесе я и мои товарищи по сборной — Богдан Макуц, Юрий Королев, Владимир Артемов, Александр Погорелов, Юрий Ба-

лабанов, другие гимнасты упорно готовились. Команда сложилась очень боевая, смелая, дружная, а значит, и сильная. У нас были все основания верить в олимпийский успех как в командном, так и в личном зачете. То же самое могу сказать и о наших девушках-гимнастках, среди которых моя однокурсница Оля Бичерова, — вместе с ней я оканчиваю 220-ю московскую школу.

Однако чем меньше оставалось времени до открытия Игр, тем сильнее росло наше недоумение и беспокойство, вызванные нагнетаемой в Соединенных Штатах антисоветской истерией. Нависла реальная угроза физической расправы над спортсменами СССР: как можно после этого ехать в Лос-Анджелес?

Современная спортивная гим-

настика до предела насыщена сложнейшими техническими элементами, требующими от спортсменов полнейшей собранности и внимания. Даже резкий окрик в зале может роковым образом сказаться не только на результате спортсмена, но и привести к тяжелой травме. Олимпиада всегда была ареной честных спортивных состязаний. Она сближала, а не разъединяла людей, служила делу мира и дружбы. Условия же, сложившиеся в Лос-Анджелесе, резко противостоят олимпийскому духу.

Мы, гимнасты сборной команды СССР, единодушно одобряем решение Национального олимпийского комитета нашей страны об отказе советских спортсменов от участия в XXIII Олимпийских играх.

ОТВЕРГАЕМ ВРАЖДУ

Виктор МАРКИН,
двукратный чемпион московской
Олимпиады

Отец мой прошел всю войну и рассказывал мне о зверствах фашистов, чинимых над советскими людьми. И вот теперь мы узнаем о планах организации шумного антисоветского шаша с лозунгами «Убей русского». И невольно спрашиваешь себя: «Неужели речь идет об Олимпиаде?»

Я врач, представитель одной из самых гуманных профессий, вырос и живу в Сибири среди добрых и сильных людей. Сибирякам, как и всему нашему народу, дорого далась победа в Великой Отечественной войне, мы хорошо знаем ее цену, а потому и цену человеческой жизни.

Может ли наша страна подвергать опасности своих спортсменов? Президент МОК Х. А. Самаранч огласил на пресс-конферен-

ции в Лозанне письмо президента США, в котором Рейган дает уверения в том, что Соединенные Штаты как страна-организатор XXIII Олимпийских игр «будут полностью соблюдать Олимпийскую хартию». Однако всем понятно, что именно с молчаливого согласия вашингтонской администрации разворачивалась деятельность антисоветских и антисоциалистических организаций, что именно Рейган прежде всего повинен в создавшейся обстановке.

Минувшей зимой мне довелось побывать в Соединенных Штатах Америки, выступать в залах Лос-Анджелеса, Кливленда и Нью-Йорка. Уже тогда мы чувствовали нагнетаемую в стране антисоветскую истерию. Было очевидно, что спортсмены США не склонны

следовать за антисоветскими дебоширами, но ведь не они решают, и мы видим, как антисоветская деятельность США принимает все больший размах.

Не могу забыть доброжелательной обстановки, царившей на московской Олимпиаде. Английские спортсмены Коз, Овett, Уэллс, Томпсон, итальянцы Меннеа и Симеони, поляки Козакевич, кубинка Колон, легкоатлеты ГДР Кох, Гёр, Слупянек и другие победители как из социалистических, так и из капиталистических стран чувствовали себя в Москве как дома. Увы, в Лос-Анджелесе спортсменов ждет недоброжелательность, а то и неприкрытая вражда. Разве совместимо это с климатом Олимпийских игр?

МЫ БУДЕМ ПОБЕЖДАТЬ

Анатолий ПИСАРЕНКО,
трехкратный чемпион мира по
тяжелой атлетике

Мне не довелось участвовать в московской Олимпиаде, в то время мои результаты еще не соответствовали олимпийским стандартам. Однако со следующего года я вошел в ряды членов сборной команды Советского Союза и трижды подряд становился чемпионом мира во втором тяжелом весе. Легко понять, с каким желанием я готовился к выступлению на играх в Лос-Анджелесе.

Сил потрачено немало. Недавно на чемпионате Европы в Испании я одержал победу и тем самым подтвердил, что моя подготовка к Олимпийским играм проходит в полном соответствии с намеченным планом. И с не меньшим основанием на олимпийский успех могли рассчитывать и мои товарищи по сборной — супертяжеловесы Александр Курлов и Александр Гуняшев. Победить на Олимпиаде мог любой из нас.

И вот теперь первым претендентом на олимпийскую золотую медаль в нашей весовой категории стал американец Марио Мартинес, результат которого в сумме двоеборья уступает результату любого из нас троих более чем на 55 килограммов.

Я знаю Марио как скромного человека, объективно и трезво оценивающего свои возможности. Даст ли ему удовлетворение такая победа? Сможет ли он сам себя считать истинным олимпийским чемпионом?

Не желая мириться с антисоветской, антисоциалистической истерией, раздуваемой в США, от участия в XXIII Олимпиаде отказались и спортсмены Болгарии, штангисты которой всегда на равных вели борьбу с нашими, а на последнем чемпионате Европы одержали победу над сборной СССР.

У администрации Рейгана было достаточно времени, чтобы понять, к чему приведет раздуваемая в США деятельность антисоветских и антисоциалистических организаций. Однако ничего для пресечения этой деятельности сделано не было. Национальный олимпийский комитет нашей страны ни в чем не нарушал Олимпийскую хартию, и в корне неверно называть его решение бойкотом. Речь идет о безопасности советских спортсменов. Всякому должно быть ясно, что в основе этого решения лежат отнюдь не политические мотивы, как это утверждают некоторые западные средства массовой информации.

В ближайшее время я и мои товарищи по сборной выступим в ряде международных соревнований за рубежом. Постараемся показать там высокие результаты, к которым и готовились.

П

рекрaсный дар природы

«У меня всегда были блестящие густые волосы, но вот последнее время они стали заметно редеть, плохо укладываться, химия не держится. Пробовала каждый день накручиваться на термобигуди, тоже плохо. А ведь мне всего двадцать пять лет. Подскажите, что делать?»

Это письмо, полученное редакцией от читательницы из Череповца, и другие подобные привели нас в кабинет заведующей косметическим отделением Московского института косметологии, кандидата медицинских наук Ольги Сергеевны РОЖДЕСТВЕНСКОЙ.

— Ольга Сергеевна, нам известно, что ваш институт успешно занимается лечением самых серьезных заболеваний волос, и в этих случаях, конечно, нужен непосредственный совет врача. Но ведь есть и общие рекомендации по уходу за волосами, советы, как укреплять их в домашних условиях?

— Письмо вашей читательницы не удивляет меня. Волосы — это прекрасный дар природы, и надо его беречь смолоду. К сожалению, последние годы болезни волос сильно помолодели, и к нам все чаще обращаются именно молодые люди. Причины разные: тут и наследственная предрасположенность, у молодых матерей это часто связывается с гормональной перестройкой после родов; нервные переживания, стрессы, общие заболевания организма тоже могут быть причиной некоторых болезней волос. Словом, для меня, как специалиста, волосы — это зеркало здоровья человека, его общего самочувствия и даже просто плохого настроения.

— А вот французы говорят: если вы плохо выглядите, вымойте голову. Правильно ли это, и как часто можно и нужно мыть голову?

— Французы здесь правы. Женщина со свежими, пушистыми волосами просто не может выглядеть плохо. Но, как врач, я хочу сказать, что этот дар природы надо беречь. И тут мне хочется подойти к последней и, я бы сказала, самой обидной причине заболевания волос — неправильному уходу. В том числе слишком частому мытью волос. Конечно, зимой под тугими, тяжелыми меховыми шапками волосы скорее грязнятся, становятся жирными, неопрятными. Тем не менее надо выдерживать хотя бы шесть-семь дней. Более частое мытье головы может вызвать еще более усиленное салоотделение и будет способствовать развитию жирной себореи. Мыть голову хорошо мягкой дождевой водой и водой из снега. Для смягчения водопроводной воды ее лучше вскипятить или просто добавить одну чайную ложку буры или соды на два литра. Протирать волосы надо мягким полотенцем, расчесывать осторожно.

— В последние годы на прилавках магазинов появилось такое разнообразие всяческих шампуней, ополаскивателей, лаков, укреп-

ляющих, закрепляющих, красителей для волос, что просто теряешься, что брать, от чего отказаться. Одни говорят, от шампуней волосы вылезают и надо переходить снова на мыло; у других, наоборот, дома просто выставили шампуней на все вкусы. Где же истина?

— Вот-вот, тут самая распространенная ошибка большинства женщин: появилась новая, необыкновенно красивая бутылочка, и, конечно же, она непременно должна украсить полочку в ванной комнате. А ведь у каждого препарата отечественного производства и импортного есть точные рекомендации, для каких волос он годится и для каких противопоказан.

Жирные волосы хорошо мыть специальными шампунями, намыливая голову лишь один раз. Ополаскивая голову, надо добавить в воду уксус или сок лимона. Очень эффективны промышленные ополаскиватели «Гольф», «Московский», «Бальзам для волос», особенно для крашенных и завитых волос.

Если же волосы быстро загрязняются, можно порекомендовать блондинкам присыпать волосы тальком и осторожно вытереть сухим полотенцем, брюнетки могут протереть волосы ватным тампоном, смоченным раствором борной кислоты.

Для жирных волос применяют приготовленные на спиртовой основе «Экстракт хинной коры», «Кармазин», «Био».

Еще реже надо прибегать к мытью сухих, ломких волос (десять дней — для коротких, две недели — для длинных). Шампуни только специальные, типа «Яичный», «Ланолиновый», «Желтковый», мыло «Детское», «Яичное», «Косметическое». После высушивания втирают в кожу крем «Особый», «Поприн», «Прима». Можно порекомендовать за два часа до мытья тепловое «масляное» укутывание. Для этого слегка подогретое растительное масло втирают в кожу головы, повязывают платком, а сверху полиэтиленовой косынкой. Это домашнее средство эффективно при сухой коже. Еще одно народное средство — мытье головы без применения мыла: желток, одна ложка лимонного сока, одна столовая ложка растительного масла на полстакана теплой воды. Хочется сказать, что при серьезных заболеваниях волос даже и эти, казалось бы, безобидные народные средства надо применять лишь по рекомендации врача.

— Женщины такой народ, что не могут жить спокойно: блондинки непременно хотят иметь темные брови, брюнетки перекрашиваются в блондинок, обладательницы выходящих от природы волос распрямляют их с помощью химических завивок, другие, напротив, упорно их завивают любыми способами. Интересно, как вы, Ольга Сергеевна, относитесь к подобным напизмам?

— Как женщина, я всегда за то, чтобы помочь природе, помочь исправить ее изъяны, недо-

статки, но, как врач, хочу предостеречь, что делать все это надо осторожно, умело. Шестимесячная завивка потому и была так названа, что делать ее надо не чаще чем раз в полгода, злоупотреблять химической завивкой тоже не следует. Очень вредны тугие прически: сильное натяжение волос нередко приводит к сильному их выпадению. Многим женщинам к лицу идут волосы более светлого тона, чем свои естественные, и почему бы их не подкрасить? Хочется только посоветовать молодым как можно позже прибегать ко всем этим ухищрениям женской красоты. Лучше по возможности пользоваться растительными красителями, которые не только придают различные оттенки волосам, но и укрепляют их: хна, сочетание хны с басмой, настои луковой кожуры, спиртовой настой зеленых грецких орехов, ревеня с добавками кофе.

Термобигуди, электробигуди, щипцы, фены хороши для здоровых, крепких волос, и пользоваться ими каждый день, как делают некоторые женщины, категорически не рекомендуется. Самая безвредная из всех — холодная завивка волос на обычные бигуди, но оставлять их на всю ночь нежелательно. Эту укладку лучше делать на разведенном соке лимона, апельсина, пиве или воде с уксусом. При этом сохраняется естественный блеск волос, они лучше расчесываются.

— Чем еще можно в домашних условиях укреплять волосы?

— Тем, кто желает иметь здоровые, красивые волосы, хочется сказать, что главное тут — общее состояние организма, здоровый образ жизни, прогулки на свежем воздухе, гимнастика, закаливание, разнообразная пища, богатая витаминами. В (бобовые, дрожжи, мясо), очень полезны продукты, содержащие кремний (овсяная мука, поджаренный хлеб), серу (яйца, молоко, гречка, пшеника). Употребление спиртных напитков, курение очень плохо влияют на волосы.

Очень полезны ежедневные расчесывания волос, вначале расческой, затем щеткой (желательно из щетины). Это не только очищает волосы, но и улучшает кровоснабжение и питание волос.

Хорошо укрепляют волосы настои трав, применяемые после мытья головы.

Равные части корня аира, дубовой коры заливаются холодной водой, как только вода закипит, туда добавляются крапива, мать-и-мачеха, зверобой, затем вся смесь настаивается, процеживается и может храниться в холодильнике два-три дня.

Правильный уход, своевременное лечение позволяет избежать неприятностей и сохранить красивые, здоровые волосы.

Беседу вела В. МОРОЗОВА.

У стенда выставки.

Фото А. Козьмина

ВСЕ ЦВЕТА «РАДУГИ»

«Радуга» — одно из самых молодых издательств в нашей стране. Созданное в 1982 году, оно выпускает книги русских и советских писателей, литературу для детей и юношества, издания по литературоведению и искусствоведению, спорту и туризму. Ежегодно «Радуга» издает около 600 названий почти на 50 иностранных и русском языках.

«Громадную культурную и идеологическую миссию издательства «Радуга» трудно переоценить...» «Впечатляющая экспозиция! Так много сделано за столь малое время. «Радуге» — так снять!»

Это записки в книге отзывов выставки, организованной Госкомиздатом СССР и издательством «Радуга». В одной из комнат Кабинета книги в квартире на улице Горького, где когда-то жил И. Д. Сытин, глаза разбегаются от обилия красочных, ярких обложек.

В разделе «Русская и советская литература» показаны собрания сочинений, избранные труды и отдельные произведения классиков русской, многонациональной советской литературы. Здесь произведения, которые издательство выпускает к 115-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

Большой популярностью за рубежом пользуется серия «Русские и советские новеллы» на английском языке.

Знакомая зарубежную аудиторию с отечественной литературой, «Радуга» печатает в русском переводе произведения известных иностранных художников слова и литературоведов. На выставке привлекают внимание популярные у нас в стране серии «Мастера современной прозы», «Современная зарубежная повесть», библиотеки национальных литератур зарубежных стран.

Литература на языке оригинала представлена целым рядом книг зарубежных авторов и народных произведений. Например, книга «Немецкие народные песни» (художник А. Маркевич) удостоена II премии на XXV Всесоюзном конкурсе искусства книги.

Лучшие художники-иллюстраторы оформили серии «Книги для детей», «Мои первые книжки», пользующиеся особой популярностью за рубежом.

«Радуга» практикует совместные издания с рядом зарубежных фирм в Чехословакии и Норвегии, Болгарии и Швеции, Югославии и Финляндии.

В. ПОТРЕСОВ

Ежедневно на редакционный стол ложатся стопки читательских писем, каждое из них неповторимо, как неповторимы люди, написавшие их. Читатели пишут о том, что их волнует, о своих житейских делах, проблемах, просят помощи, совета или возмущаются свершившейся несправедливостью. Сегодня мы вынесли на свои страницы некоторые из таких обращений и просим ответить журналу и нашим читателям тех, от кого зависит решение поставленных в них проблем. Хотелось бы, чтобы Б. Хромскому из Ставрополя ответил не только начальник геологической экспедиции в Уренгое В. М. Константинов, которому мы переслали и другие многочисленные письма наших читателей, пожелавших поехать на освоение нового газоконденсатного месторождения в Западной Сибири. Ведь в письме вопрос ставится шире — молодая, энергичная семья хочет поехать туда, где трудно, хочет написать свою

пусть скромную строку в летопись наших дней. Думается, что в Государственном комитете СССР по труду и социальным вопросам тоже должны сказать тут свое веское слово. От Министрства гражданской авиации СССР редакция ждет серьезного ответа на письмо Н. Мироненко из Запорожья, очень верно и, увы, в который раз поднимающей проблему сервиса на самом быстром, самом удобном виде транспорта — авиатранспорте. А вот уж по письмам Ж. Гольцевой из Ярославля и рабочей-пенсионерки из Риги Л. Ауце редакция ждет большого, заинтересованного разговора наших читателей. Уверены, что проблема добросовестного отношения к труду, к своим обязанностям, к своему месту в жизни, рабочей чести, рабочей совести волнует многих.

Ждем новых писем, дорогие читатели.

«ХОЧУ ТУДА, ГДЕ ТРУДНО...»

Прочитал очерк А. Попова «За Уренгоем — Ямбург» («Огонек» № 2) и сразу взялся за перо. Пишу вам потому, что близко мне то, о чем вы рассказываете. Правда, я не искал нефть, газ, не жил за Полярным кругом. Родился и вырос я на острове Сахалин в г. Макарове. Там окончил школу, оттуда призвали меня в армию. Служил на Курильских островах, где и столкнулся по-настоящему с ветром, с пургой, с отсутствием почты и всякой другой связи с Большой землей. Здесь все приходилось делать самим: строить, печь хлеб, варить обеды, стирать, штопать, ну и, конечно, самое главное — нести службу.

И тем не менее нам было легче, чем тем, кто сейчас на буровой, вдали от дома, держит вахту. До сих пор отчетливо помню, как было тепло в бане, которую истопили для тебя товарищи, зная, что ты должен вернуться промерзший, усталый, голодный. Подносишь бинокль к глазам и ищешь дым из трубы от бани: если дымок вьется — значит, все нормально, все живы, ждут тебя.

И это очень здорово, что будут строить совсем рядом город с буровыми. Чтобы человек как на хорошем заводе мог после вахты помыться, переодеться и ждать вертолет-«автобус» и чтобы командир мог объявить: «Следующая остановка — Ямбург, приготовиться к выходу».

Так вот что я хотел узнать: как мне попасть на строительство этого города? По профессии и образованию я строитель, в данный момент работаю плотником. Женат, две дочери

восьми и трех лет, жена прекрасная человек. Дети растут, старшая уже в школу пошла, все вроде ничего. Но мы еще молоды, хочется дерзать, хочется совершить что-нибудь такое, чтобы мои дети гордились мною, хотя вроде и сейчас им не должно быть стыдно за меня. Да ко всему прочему я еще и зодитель второго класса. Если там нужны шоферы, то я могу и шофером работать. Уже неоднократно писал на Чукотку, на Камчатку, в Магадан, но как только дело доходило до того, что кадровик находил в моей автобиографии двух детей, следовал отрицательный ответ. Им, как я понял, нужны холостяки, бездетные. Конечно, одинокого человека проще устроить, но я считаю, что сберечь, освоить Север можно при условии, если рядом будут дети. В конце концов все люди работают ради детей, чтобы они видели плоды труда отца или матери. Так что не посчитайте за труд, помогите мне попасть на эту стройку. Я могу работать кем угодно — и плотником, и бетонщиком, и водителем, а если очень будет нужно, пойду и на буровую. Ко всему прочему сообщаю, что я окончил строительный техникум в Хабаровске в 1981 году. Но и это тоже плохо, как я уже успел понять. Убеждаешь кадровиков, что не нужна мне непременно должность мастера, что я хочу работать просто и обыкновенно топором и молотком, но они не верят и отказывают, ссылаясь на отсутствие жилья.

Б. Хромский
Ставрополь.

Из Запорожья в Батагай

Мой муж работает геологом в Якутии, и я решила провести свой отпуск у него. Кажется, все просто: берешь билет, бронируешь места — и отправляешься в путешествие из Запорожья в Якутск. Но на деле оказалось, что везде нужно ждать по двое суток.

До Якутска все было хорошо. Но вот беда: желающих вылететь из Якутска в Батагай и другие города страны оказалось слишком много. Прилетела я 27 марта, а бронь получила только на 1 апреля. Мест в городской гостинице не было, а гостиницы при аэропорте, как выяснилось, вообще не существует. Несколькими сутками люди спали прямо на полу, кое-как устраивались на подоконниках. Стоит ли говорить, что везде грязь, антисанитария. Люди нервничают, мечутся

от стойки регистрации и диспетчера по транзиту, но безуспешно. Там, 29 марта на Батагай было четыре рейса, у нассы простояли 23 транзитных пассажира, и никто из нас не получил талон на посадку. Аэропорт и вокзал — это и ворота города и его лицо. Хотелось, чтобы об этом помнили городские власти и все, кто связан с обслуживанием пассажиров.

Понимаем, что новую гостиницу за день не выстроишь, но можно же предоставить хотя бы просторную комнату или даже зал для отдыха транзитников, привести в порядок места общего пользования, и самое главное — вовремя отправлять пассажиров.

И. МИРОНЕНКО
Запорожье.

СЛОВОМ МОЖНО РАНИТЬ...

Недавно прочла книгу заслуженного врача РСФСР С. Г. Айрапетова «Здоровье, эмоции, красота», в которой он пишет, что здоровье человека определяется не возрастом, а состоянием кровеносных сосудов. У кровеносных сосудов три главных врага: алкоголь, никотин, стрессы. Последний — самый страшный из них, так как избежать его практически невозможно. Я не хочу говорить о научно-технической революции, при которой умственные нагрузки стали превосходить физические, не хочу говорить о шуме, о перегрузках на транспорте и даже о горьких несчастиях, с которыми человек неизбежно сталкивается в жизни. Нет, я хочу поговорить о более мелком, но тем не менее очень вредном, изощренном враге, ранящем прямо в сердце, — о грубости, подлости, хамстве.

Хочу сразу сказать, что пишу в редакцию не потому, что меня лично кто-то обидел и я жду защиты или отмены. Нет, пишу просто из человеколюбия, потому что не перестаю удивляться, как в наше мирное время еще встречаются грубые, злые и даже жестокие люди.

Я довольно долго болела, соскучилась по работе, поэтому проснулась с очень радостным ощущением, вышла на улицу, улыбаясь весне, солнцу, подошла к автобусной остановке. Но войти в него мне не удалось: дюжине молодых мужчин, проворно работая локтями, ринулись и дверям, отпихивая всех подряд, в том числе и меня. Автобус ушел, а я лежу на обочине дороги вся в пыли, грязи, и весна и солнышко уже не радуют меня.

Моя милая, хорошая мама,

простая русская женщина, много пережившая в годы войны и в мирное время, честно выполнявшая свой трудовой и материнский долг, приходит в пенсионный отдел (что-то не ладится с пенсией), там ее встречают ледяным холодом, едва отвечают на вопросы, ее непонимание вызывает яростное раздражение, и она чувствует себя совершенно беспомощной.

Знакомая молодая пара поздно возвращается домой, а по дороге четверо незнакомцев просто так, по пьяной прихоти пристают к ним и жестоко избивают мужа. В результате он попадает в больницу. Я все не задаюсь целью пересказывать и другие примеры. Дело в том, что у нас растет сын, и я просто не знаю, как его воспитывать. Он очень впечатлительный, эмоциональный и часто огорчается, страдает от грубости. Как воспитать в нем защитную реакцию и нужно ли это делать?

Вот у нас в подъезде от инфаркта скончалась женщина, а в день ее похорон один молодец включил на полную мощность магнитофон. Позвонили, сказали ему, чтобы выключил свою шарманку, в ответ получили нецензурную брань. Ну что, идти сразу в милицию?

Не подумайте, что я не вижу, не встречаю хороших людей. Напротив, их очень много, да и по характеру я сама человек оптимистичный, жизнерадостный. Просто я хочу знать, почему мы не можем организовать беспощадную борьбу против черствости, подлости, глубоко ранящих порядочного человека.

Ж. ГОЛЬЦЕВА

Ярославль.

ЛЮБИМАЯ «НЕЛЮБИМАЯ» РАБОТА

Много раз хотелось написать в редакцию, но все как-то не решалось. Возмущаться легче, чем написать так, чтобы тебя правильно поняли. Наконец прочла еще одну статью о «любимой» работе и не выдержала. Меня возмущает, что всюду пишут только о любимой работе, нацеливают молодежь на выбор какой-то необыкновенной профессии. А работа дворника, убирающего улицы, или уборщицы, санитарки, няни — тоже любимая работа? Кто же будет эти нелюбимые работы делать? Ну хорошо. Пока еще остались старики и старухи, которые честно относятся ко всякому труду, но когда их не станет, что тогда?

Я пенсионерка, мне 64 года. Но продолжаю трудиться, и не потому, что у меня маленькая пенсия, а просто я не могу без дела.

За всю свою долгую жизнь

я так никогда и не попала на любимую работу, но никто на меня не жаловался, ибо нас учили уважать любой труд — и свой и чужой. И надо добросовестно выполнять любую работу, а не бежать с места на место в поисках чего-то необыкновенного. Хорошо, если повезло и ты сразу попал на работу, которую можешь считать любимой, а если нет? Я тоже в юности мечтала о чем-то возвышенном, несбыточном, но таланта не хватило проявить себя как-то по-особому. И была жизнь, жизнь трудная, требующая честно-го, добросовестного отношения к труду. На поиски, эксперименты, честно говоря, времени не было. Так что же надо было делать мне? Не работать? Вот так, на мой взгляд, обстоят дела с «любимой» работой.

Л. Ауце,
рабочая-пенсионерка

Рига.

ЖУЧКИ ЗА КУЛИСАМИ

Владимир ТИТОВ

ФЕЛЬЕТОН

Очень приятно, когда начальство тебя любит, хвалит и не спускает с тебя нежного, обожающего взгляда. Вот таким счастливым оказался директор Курской филармонии В. Федоров. Не было совещания в «Росконцерте», на котором седую голову этого зубра от искусства не окуривали бы финансисты.

— Ах, Федоров! — говаривало росконцертное начальство. — Какой молодчина, какой разворотливый мужик! Финансовый год ухитрился закончить без убытков! Федорова любили и артисты. Любимую брата, а может быть, еще нежней. Уж очень это была добрая, а главное — широкая натура. Стоит иному бухгалтеру дурным глазом покуситься на счет, где рукой директора выписывался гонорар, в два-три раза превышающий положенный, как Федоров тут же отменял всякие бухгалтерские нарекания.

— Ах, оставьте, Марь Иванна! Ведь это артист! Вот вы тут нули зачеркнете, а он голоса лишится. А? Что тогда делать?

— А если ревизоры?

И тут в аккурат вошли трое ревизоров. Да благо бы свои, из областного управления культуры, а то из Москвы, из контрольного ревизионного управления Министерства финансов РСФСР.

— Во вверенной мне филармонии... патетически начал Федоров, но ревизоры оборвали его, сурово потребовав документы.

То, что там они обнаружили, повергло этих видавших виды людей в смятение.

Ставился, например, детский спектакль «Новогодние чудеса». В предвкушении щедрых гонораров слетелись в Курск артисты именитые и так себе. Бригаду эстрадных старателей возглавлял некто В. Мунтян. Он блестяще доказал, что кое-что смыслит в чудесах, поскольку ухитрился получить гонорар и как артист и как режиссер-постановщик, хотя в качестве режиссера он не работал. Однако В. Мунтяну удалось выгребсти из кассы филармонии около 13 тысяч рублей. Бухгалтеры возроптали, ибо в ведомостях значились артисты, которых вообще не существует. Бухгалтеры наотрез отказались подписывать документы. Тогда Федоров подмахнул все документы сам, переплатив устроителям и участникам представления свыше восьмью с половиной тысяч рублей, значительную часть которых под нажимом контрольных органов артистам пришлось вернуть.

Вскоре ревизоры убедились, что чудеса в Курской филармонии случаются не только в новогоднюю ночь. Частым гостем в Курске, например, была бывшая солистка Большого театра Т. А. Сорокина. Об этой певице Федоров проявлял трогательную, прямо-таки отеческую заботу. Ревизоры наивно полагали: чтобы получить гонорар, надо что-то спеть. Нет, совсем необязательно.

В город Курчатова приехал на гастроли прославленный баритон из Киева.

— А Сорокина? — в панике воскликнул Федоров. — А Сорокину, значит, намерены отодвинуть в тень?

И властью, данной ему «Росконцертом», включил певицу в программу. Певица приехала в город, но выступать не стала. Мало ли что бывает... Нет вдохновения...

Но артистка ощутила удивительный творческий подъем, узнав, что Федоров выписал ей свыше 5 тысяч рублей зарплаты и гонорара. Не мог же он обидеть певицу: вдруг лишите его голоса. Поэтому ни одна гастроль Сорокиной не обходилась без приписок: сверху оплачивалось по десять и больше концертов.

Любовь Федорова к артистике

была не бескорыстна, ибо он прослышал о ее «крупных связях», и, видимо, слухи те родились не на пустом месте: иначе чем объяснить, что даже после того как факты о незаконных доходах Сорокиной стали достоянием гласности, с головы ее не упал ни один волос и она по-прежнему осталась на посту заместителя директора «Союзконцерта».

То ли случайно, то ли прослышав о необыкновенной щедрости курского мецената, прикатил в город вокально-инструментальный ансамбль Северо-Осетинской филармонии «Алые маки» с большой пробойной силой — популярной звездой грузинской эстрады. Дружный коллектив возглавлял энергичный, напористый бригадир-уполномоченный Р. Тебиев.

— Значит, так, — наступал он на Федорова. — Концерт «на кассу». Участие «звезды» обеспечено.

Это означало, что все расходы по проведению концерта гастролеры берут на себя, а курянам лишь отчисляют десять процентов от чистой прибыли.

— «Звезды»? — слабо выдохнул директор, подсчитывая в уме ожидаемую сумму сборов, и согласился на продиктованные Тебиевым условия.

А они были сомнительны. Тебиев брал на себя продажу билетов, подбор уполномоченных по реализации билетов и расчеты с ними, что категорически запрещено приказом министров культуры СССР и РСФСР. Короче, условия, весьма благоприятные для того, чтобы погреть руки. И для такого тертого директора, как Федоров, это не было секретом.

По доверенности Северо-Осетинской филармонии Р. Тебиев получил бланки билетов почти на сто тысяч рублей.

Двадцать семь концертов дал

ансамбль «Алые маки». Как догадывается читатель, курян уговаривать идти на концерты не пришлось: ведь пел «звезда» эстрады. Партер и кресла кипели публикой. Билетные кассы брались с бою. Сам Федоров в ответ на жалобу зрителей в газету «Советская культура» писал, что «желающих попасть на концерт было в два с половиной раза больше, чем мы могли удовлетворить».

Очень хорошо! Но только вот беда: при окончательном подсчете выяснилось, что свыше десяти тысяч билетов на сумму 28 548 рублей якобы были проданы непроданными.

— Где же они? — спросили ревизоры у директора.

— Этого мы, куряне, не знаем. Это знает посланец гор товарищ Тебиев, а он сделал ручкой и отбыл в Орджоникидзе.

У ревизоров закралось нехорошее подозрение, тем более что распространители клятвою уверяли: все билеты они продали и деньги за них вручили лично товарищу Тебиеву. И посему с участием сотрудника ОБХСС был с пристрастием допрошен энергичный «посланец гор». Тот оказался человеком на редкость находчивым.

— А мы их уничтожили.

— То есть как уничтожили?

— А очень просто. Путем сожжения. Во-он там... — И товарищ Тебиев махнул куда-то в сторону Казбеги.

— Да, но вы их обяваны были смечь в Курск и составить по всей форме акт.

— Что вы говорите! А я и не знал. Какой-то я стал несообразительный.

В общем, несообразительный товарищ сообразил вытащить из государственного сейфа свыше 28 тысяч, используя в качестве отмычек популярное имя артиста и курского растяпу-директора. Прогнав по городам и весям и занижая доходы от продажи билетов примерно в пять раз, Тебиев устроил иллюминацию из якобы сожженных билетов на сумму почти 212 тысяч рублей.

Впрочем, джигит Тебиев недалеко ушел от некоего В. Скидана, лица без определенных занятий. Целых три года гарцевал он вокруг кассы Курской филармонии, представляя то одну фирму, то другую. На самом же деле, как показала ревизорская проверка, он никого не представлял и доверенности его оказались «липовыми». Но поскольку во главе филармонии стоял Федоров, то чемпиону-налетчику спокойно выдавались из кассы по десять и больше тысяч наличными. В результате благодаря Скидану Курская филармония понесла ущерб более 150 тысяч рублей. А всего благодаря сказочной щедрости В. Федорова свыше четырехсот тысяч.

Тут, я чувствую, товарищ Федоров вправе на меня обидеться:

— Да нешто я один такой в нашей росконцертской семье несчастный уродился?

И он, товарищи, прав. Большую работу задали следственным органам Иркутская, Чечено-Ингушская, Ростовская, Ульяновская, Мордовская, Куйбышевская, Омская и другие филармонии, где ревизия вскрывала крупные злоупотребления. Прав будет курский меценат и в том, что не только у него подвизались темные околострадные жучки, кочующие из филармонии в филармонию. Тот же Скидан прошелся по кассам филармоний в Гомеле и Сыктывкаре. А, например, бригадир-администратор вокально-инструментального ансамбля «Шестеро молодых» некто Дарчиев был с треском изгнан из Калмыцкой филармонии «за утрату доверия», оставив разбитыми сердца бухгалтеров тем, что задолжал филармонии свыше 20 тысяч.

Но не пропал Дарчиев, не канул в Лету, а выплыл, зализывая административные ушицы, в Саратовской филармонии, где его обласкали и пригостили. Воспрянув духом, Дарчиев и здесь принялся заключать трудовые соглашения с частными лицами на постановку концертов, составляя фиктивные документы.

К каким только ухищрениям не прибегают филармонические деятели, дабы залезть в государственные карманы! И если отчаянные рвачи якобы сжигают билеты и грубо присваивают часть выручки себе, то деятели посolidней прибегают к совместительству, что тоже приносит неплохие дивиденды. Бригадир группы «В ритме танго» В. Красильников трижды зачислялся на работу в Ростовскую филармонию, где получил

5700 рублей зарплаты. Но танго — слишком медленный ритм, и В. Красильников принялся работать в ритме диско. Одновременно он получил гастрольное удостоверение от «Росконцерта» на проведение 60 концертов в Краснодаре с правом самому заключать договоры, продавать билеты и получать выручку. Ну, а это, сами понимаете, стоит того, чтобы поплясать.

Как заметил читатель, в системе «Росконцерта» и государственным средствам относятся без всякого почтения. Здесь, например, запросто могут принять к оплате гостиничный счет за номер люкс стоимостью 36 рублей в сутки (знаем такие примеры!). Образец расточительности показывал сам (ныне уже бывший) генеральный директор «Росконцерта» В. Ходыкин. Ради престижа он тратил на заказную машину, проставившую целыми днями под окном его кабинета, по 16 тысяч в год сверх лимита. (Помножьте на десять лет его правления, и вы увидите, что на эту сумму с успехом можно построить детский сад.) Неудивительно, что при таком размахе филармонии Российской Федерации в 1983 году добились прямых выдающихся успехов: на многие миллионы сверхплановых убытков!

— Но куда смотрит прокуратура? КРУ Минфина РСФСР? — воскликнет возмущенный читатель.

Смею заверить: в нужном направлении. За последние годы были осуждены свыше дюжины темных дельцов. И Б. А. Кравцов, а в то время прокурор РСФСР, и министр финансов Российской Федерации А. А. Бобровников слали руководству Министерства культуры РСФСР тревожные письма. Более того, при всей своей загруженности за последний год Совет Министров РСФСР дважды рассматривал вопрос о деятельности «Росконцерта». Министерство культуры РСФСР ужесточило правила проведения гастролей.

И все же пока на место упрямых за решетку не там, то здесь выныривают другие жучки с алчно блестящими глазами. Они оттачивают новые отмычки и государственному сейфу, и отобрать эти отмычки можно только одним путем: в корне изменить систему проведения гастролей, отгнав от этого благородного дела жадную свору любителей легкой наживы.

Конец Сократа

В БАНКИРСКОМ ДОМЕ

— Для меня детство началось в семье Бидо...

Уже поздний вечер, в доме напротив ни одного освещенного окна, а Крымовы все сидят за столом, слушая рассказ Луи. Он говорит и говорит, тревожа то одну страницу своей биографии, то другую. Его обуяла потребность выговориться, и он захлебывается словами, словно боясь отстать от стремительно бегущих мыслей. И если умолкал ненадолго, то лишь для того, чтобы выпить еще одну рюмку.

— Мать была неласкова и невнимательна, а отец души не чаял во мне. Почему так любил? Не знаю. Возможно, потому, что я был единственным. А может, еще что-то другое... Сергей и Ирина слушали молча. Они догадывались, за что сын русского офицера мог полюбить русского мальчика...

В доме Жана Бидо по его настоянию говорили на французском и русском языках, звучала и немецкая речь. Во всяком случае, Луи с детства свободно изъяснялся на всех трех языках. Учиться его послали в Париж, к дяде. Возможно, по настоянию мадам Бидо, она не скрывала, что ее это устроивало.

К двадцати пяти годам он окончил два учебных заведения — в равной мере увлекся архитектурой и литературой. Трактат Луи Бидо о зодчих Карфагена получил блестящую оценку, но окончательный выбор пути предопределило близкое знакомство банкира с издателем и шеф-редактором популярной газеты правительственной ориентации. На журналистике настаивал и дядя, брат матери. Он и Бидо-старший были дружны, хотя по характеру и образу мыслей у них не было ничего общего.

...Луи представлял свою газету где-то в Латинской Америке, когда умерла мать. Он полетел на похороны. Отец тяжело переживал утрату. Луи знал, что отец хотел уйти к другой, что он не любил жену. И тем не менее, как это часто бывает в жизни, именно после ее смерти Луи остро ощутил свое одиночество. Теперь у него никого близких, кроме Луи, не было, и любовь к сыну приобрела почти патологический характер. Он готов был выполнить любую его прихоть, надоедал с нежностями, стараясь приласкать великовозрастного Луи. А тому все это претило.

— Мне трудно объяснить вам, Сергей, почему жизнь в отчем доме, где исполнялось любое мое желание, почему поездки с отцом в нашу роскошную загородную виллу на берегу моря были мне в тягость. Не знаю... Чувствовал — немоготу. А почему, не знал. Не знал... — упрямо твердил он и беспомощно разводил руками. Его давила атмосфера банкирского дома. Он жаждал свободы, самостоятельности. Только бы избавиться от родительской опеки! А шеф-редактор, чтобы убаюкать богатого друга, распорядился не посылать Луи за пределы Франции. И легко представить, как ликовал Луи, когда по настоянию дяди отец все же согласился на отъезд «мальчика» в Россию.

— Сергей, помните наш разговор в ресторане во время проводов Аннет? О моем отце, о дяде и господине Кастильо? Помните? Сергей утвердительно кивнул.

— Я видел, что вы недоумевали: о чем это он так туманно?.. Теперь тумана нет. Не смотрите удивленными глазами. Я выпил несколько больше, чем обычно, но у меня ясная голова, и я отчетливо представляю то, о чем говорю. Слушайте же, это важно.

После похорон отца нотариус в присутствии кюре, духовника банкира, и моим вскрыл сейф. Трудно передать, что я пережил, когда увидел эту курточку и письмо, когда узнал, кто я на самом деле.

...Нотариус и кюре доверительно сказали ему, что о документах, обнаруженных в сейфе господина Бидо, равно как и о детской курточке, знают только они двое. Пощипывая жидкую эспаньолку, не ввязавшуюся с крупным, породистым лицом, юрист источал медовую любезность:

— Мы обещаем, господин Луи Бидо, что никто никогда... Мы умеем хранить тайны. Распоряжайтесь своей судьбой и состоянием как вам угодно...

А через день позвонил дядюшка.

— К тебе хочет заглянуть мой добрый друг.

— Кто он?

— Хороший человек. И очень полезный. Прислушайся к его советам. На днях он навестит тебя.

Вскоре порог банкирского дома переступил Мигуэль Кастильо. Он отдал дань этикету, выразил соболезнование, повздыхал, поохал и поспешил перейти к делу.

— Тогда в Москве я отыскал вас по совету вашего дядюшки. Зачем? Вы, вероятно, догадались. Нет? Это не делает чести мне, а возможно, и вашей проницательности. Но не стоит об этом... Пустое... Плюсквамперфектум... Давно прошедшее время. А я люблю футурум, будущее. Направляясь в Москву, я не знал, кто вы есть. Ваш дядюшка открыл тайну лишь на днях... Ну-ну, не надо так зло коситься на меня... Я вам добра желаю. Река, именуемая жизнью, полна самых неожиданных и коварных порогов. Господин Бидо, зная, что безнадежно болен, поведал о вашей романтической судьбе брату, а тот — нам. Так нужно для нашего дела.

— Нашего дела? Что это за дело?

— Повремените с вопросами.

— Вы француз?

— Нет, испанец.

— И живете в Испании?

— Нет, в Марселе.

— Так что пришло вас ко мне?

— Прежде всего желание выразить соболезнование.

— Благодарю. И это все?

— Нет. От вас требуется самая малость. Проявить лояльность и помочь нам в благородном деле.

— Каким образом? И что за благородное дело?

— Извольте. Вы сейчас работаете в России и, конечно, понимаете, что информация об этой стране будет для нас весьма и весьма ценна. Какая именно — это уже детали, о которых можно легко договориться.

— Вы полагаете?

— А почему бы и нет? Вы же человек свободного мира, богатый наследник. А богатство надо защищать.

— От кого?

— От грабителей и... коммунистов.

— Н-да, ситуация проясняется.

— Вот и хорошо. Я знал, что вы, как человек благоразумный, примете наше предложение, к тому же небезвозмездное. Деньги даже к деньгам нелишни.

— Ну, а если я откажусь и не приму ваше предложение?

— Предусмотрен и такой вариант. Мы располагаем фотокопиями всех документов, лежащих в сейфе покойного банкира. Заснята и куртка сына партизанки Елены Бухарцевой, погибшей во время войны. Остальное... Догадаться нетрудно. Газеты, радио и телевидение ухватятся за сенсацию. О вас заговорят

все, от бульварных шавок до святых отцов. Будут даже парламентские запросы. Чем все это кончится? Судом и лишением наследства. Вы станете человеком третьего сорта, которого долго будут преследовать.

Багровый отсвет пламени из камина делал недоброе лицо испанца поистине зловещим. Чтобы дать себе время хоть немного обдумать услышанное, Луи присел на корточки и начал подбрасывать смолисто пахнувшие чурки. Потом резко поднялся, подошел к испанцу и спросил:

— Если откровенно — вы представитель специальных служб?

— Я бы не хотел отвечать на этот вопрос.

Луи понял, что не ошибся.

— Я должен дать ответ незамедлительно?

— Отнюдь... Такие вопросы сиюминутно не решаются.

— Каким временем я располагаю? Месяц? Два?

— Да, пожалуй...

Пальцы Луи напряженно сжали подлокотник кресла. Наступила пауза. Потом Кастильо вскинул холодные, жесткие глаза.

— Считаю долгом предупредить вас: не ершитесь, к добру это не приведет. И еще... Я знаю вашего отца.

— Какого отца? — перебил Луи.

— Настоящего. Того, что живет и здравствует в Москве. Захара Рубина...

— Откуда?

— Не имеет значения. Чистая случайность.

— Что вы можете сказать о нем?

— В высшей степени приятный и интеллигентный человек.

ВЫБОРА НЕТ

— Теперь вы все знаете. У меня нет от вас никаких тайн. И не только потому, что мы по прихоти судьбы оказались родственниками. Неисповедимое, ничем не объяснимое чувство подсказывает иногда человеку: «Этому можно верить...» Так что же посоветуете?

Сергей молчал. Он был ошеломлен. Еще бы, такой неожиданный поворот событий. Он видел, с каким нетерпением Луи ждал ответа. Крымов понимал, что такая откровенность — знак большого доверия. Но ведь у него, советского журналиста, просит совета не свой брат, а человек, который пока еще не знает иного образа жизни, мышления, чем те, что властвуют в мире, где он рос, мужал, — в мире капитала. Что посоветовать?

Были и сомнения. Чем вызвано такое доверие? Хитро задуманная операция? Или вино: Луи, кажется, многовато выпил. Возможно, потерял контроль над собой. А если это — начало прозрения? У людей трудной судьбы да на крутом повороте такое бывает. Что же посоветовать? Отмалчиваться нельзя.

— Луи! Все, что вы рассказали, — сплетение таких сложностей, что я не могу сразу сказать, как быть. Я должен подумать. — И, помедлив, добавил: — Попробую посоветоваться с одним очень опытным юристом, которому всецело доверяю. Если вы не возражаете, конечно.

Луи глянул испытующе, но ни в лице, ни в глазах Крымова не увидел ничего, кроме доброжелательности. Помедлив, Бидо поднялся из-за стола, слегка пошатываясь, подошел к книжным полкам и, стоя спиной к хозяевам дома, тихо и нерешительно сказал:

— Ну что же, пусть так... Буду ждать.

Луи вернулся к столу, выпил еще рюмку вина и повторил:

— Да, буду... Ждать и ждать... Это тяжело, но выбора нет... Он смотрит на хозяев дома слегка ослепшими глазами, несколько раз-

драженно бормочет что-то не совсем связанное, и нижняя губа его мелко дрожит... Луи одолевает смутные чувства.

— Глупо, конечно, куда-то ехать и искать... Он же не я, совсем другой... Мальчик по имени Герман. Его давно нет, есть Луи... Но Луи все равно поедет... Посмотреть... Тот малыш давно ушел из этого мира... Вместе с мамой... Нет Германа, есть Луи. Но я не такой, каким стал бы Герман. Согласен, Сергей? Нет, я не лян. Голова трезвая... Не смотри так на меня, Ирина, сестра моя... Ты мне можешь сказать, каким был Герман? Не знаешь? Не хочешь... Боишься обидеть... Он меня презирал бы, да? А дядю задушил бы... И отца... Хотя нет, отец был добрым. Почему молчишь, Ирина? Я знаю, это глупо, но ты же моя сестра, не родная, но сестра. А знаешь, я пока нич-че-го не чувствую. Только любопытство. Какая ты? Скажи хоть слово!

Но Ирина молчит. Понимает, как мучительно этому уже не слишком молодому человеку переосмысливать жизнь, узнав трагическую правду. Ей жалко невесту откуда появившегося брата, но она ничем не выдаст этого своего чувства. Пусть сам переучается, потом будет легче, пусть сам все передумает и решит. Как странно: человек прожил жизнь, которой не должно было быть. Герман жил бы по-другому, смотрел бы на мир по-другому.

Немного протрезвев, Луи вспомнил о профессоре Полякове и о задуманном очерке.

— Сергей! Помнишь, ты спросил: «А напечатает!» Я тогда не ответил. Но подумал, что все равно должен написать об Аннет и Мишеле. Я не смогу не написать о них... В Париже есть мемориал. Там склеп, посвященный памяти тысяч и тысяч французов, ушедших во мрак и туман, уничтоженных в фашистских лагерях. Как ты? И на могилах бойцов Сопротивления.

Одна из надписей гласила: «Когда на земле перестанут убивать, они будут отомщены»... Слушая Аннет Бриссо, я вспоминал склеп — там и ее мать. Мне вспомнились могилы бойцов Сопротивления — там и ее жених... Теперь ты понимаешь, Сергей, почему я не могу не написать об Аннет и Мишеле.

Сергей взволнованно ответил:

— Да, начинаю понимать тебя, Луи... — Он имел в виду нечто большее, чем очерк.

...Был уже поздний вечер, когда Герман-Луи, поддерживаемый под руку Крымовым, покинул дом покойного отца. Настоящего...

Утром Сергей позвонил Виктору Павловичу и попросил о встрече.

— Вы чем-то расстроены, Сергей? Что-то случилось?

— Нет! Ничего... Нужна ваша консультация. И по очень серьезному вопросу.

...Бутов лишь изредка задавал вопросы, как обычно, слушал с таким выражением, будто все это его нисколько не интересует. Сергей изложил суть дела со всеми подробностями. Выговорившись, спросил:

— Так что же ему посоветовать? Он ждет...

— Не торопитесь. Все не так просто... Скажите, что ваш юрист в отъезде...

Полковнику нужно было посоветоваться с Клементьевым. Уж очень необычно, сложно переплелись человеческие судьбы.

Клементьев и Бутов долго, тщательно анализировали рассказ Луи Бидо. Ясно, что спецслужбы взяли его на прицел еще до смерти банкира. Для них не была тайной тайна его сейфа.

— Допустим, — рассуждал Бутов, — что хозяева хромоногого после смерти Жана Бидо решились на лобовую атаку и Кастильо предложил Луи работать на разведку. Грубовато, но возможно. А каковы мотивы дальнейших действий Луи? Приезжает в Москву и с места

в карьер: «Мне предложили сотрудничать с разведкой, работающей против вас». Тут уж, простите, заковыка... Верить или нет?

Вопрос гамлетовский. Его и решают контрразведчики, выдвигая то одну, то другую версию.

— Где основание для такой откровенности Луи перед человеком, которого он видел лишь несколько раз? Где? Почему он вдруг предстал перед Ириной и Сергеем весь нараспашку? — спрашивает Бутов.

— В какой-то мере вам ответил Крымов, — говорит Клементьев. — Было выпито сверх меры, разгорячился. Но отбросим данный вариант, попробуем покопаться в закромах его души. Вы же хороший психолог, Виктор Павлович. Поставьте себя на место молодого человека, перед которым вдруг открылась невероятная тайна его рождения. Такое может хоть кого потрясти, толкнуть на самые неожиданные поступки. Тут не до холодного расчета. Если он к тому же человек впечатлительный, то бурных эмоций не избежать. А они неустойчивы, как прорвавшийся плотину поток. И первый порог — Ирина, Сергей, ниспосланные прямо-таки господом богом, в которого он, возможно, верит. Родные люди! Сестра! Знакомый доброжелательный коллега, неожиданно ставший родственником! Вот и распахнул душу. Думаете, ересь? Так? Но судьба новой истины в начале своего существования всегда кажется ересью.

— Однако позвольте заметить, товарищ генерал, что от истины мы еще очень далеки. Даже не знаем, насколько достоверна история гибели Бухарцевой. Не находите ли вы странным, что Рубин при жизни так и не узнал о существовании сына? Ведь у Елены были брат и мать...

— Не вижу ничего странного, Виктор Павлович. Они тоже ничего не знали. А нам с ва-

ми необходимы самые полные и точные сведения о Елене Бухарцевой и ее сыне. Займитесь, дело первоочередное. Луи Бидо ждет ответа. Если все правда, то ему одна цена, а если с курточкой все подстроено — совсем другая. Поищите ответ в партизанских и других архивах. Быть может, и очевидцы найдутся.

ЛУИ СКАЗАЛ ПРАВДУ

В бывшем партизанском крае Сухину удалось разыскать и жителей села, помнивших те давние события, и партизан, знавших разведчицу Миллер-Бухарцеву, убитую при весьма таинственных обстоятельствах. Многие успели откопать школьные следопыты. Но самое ценное и неоспоримо достоверное оказалось в архиве военного трибунала, приговорившего к расстрелу предателя Павлицева, фашистского карателя и убийцу партизанки-разведчицы Елены Бухарцевой.

Тайна, которая долгое время окутывала историю убийства Бухарцевой, перестала быть тайной. Перед чекистами протокол допроса Павлицева.

«— Чем объяснить, что вы после безуспешных грубых попыток добиться взаимности от Елены Бухарцевой вдруг перешли на осторожное и, кажется, тайное ухаживание?..

— Я боялся Шульца. Он был явно неравнодушен к этой молодой красивой женщине. Соперничать с ним было опасно... К тому же он ухаживал красиво. Одаривал и маму и ребенка. Впрочем, иногда мне казалось, что малютка его интересует даже больше, чем мама.

— Что же вас побудило убить Бухарцеву при встрече в лесу?

— Все тот же страх. Боялся Шульца.

— Расскажите подробнее, что произошло, когда вы встретили Бухарцеву на лесной опушке, вдали от города?»

...Клементьев и Бутов внимательно слушают обстоятельный доклад Сухина. Сомнений нет: Луи сказал правду.

Было уже за полночь, когда чекисты разъехались по домам. Бутов вышел из машины далеко от дома. Хотелось пройтись по без-

людной московской улице, подышать воздухом: сейчас он кажется более чистым, чем днем. Ему легко дышится и легко думается — все стало на свои места. Завтра утром на Пушкинской площади его будет ждать Сергей, и он, неторопливо взвешивая каждое слово, скажет ему: «Судя по всему, этот Герман-Луи — человек честный. К нашему счастью, таких немало в «свободном мире», где он воспитывался. Как быть дальше? Это может решить только он сам, советовать трудно. В любом случае ему придется нелегко, и он должен четко осознать это».

Вернувшись домой, Крымов сразу же позвонил Бидо и сказал, что говорил с юристом и рад будет видеть Луи у себя. Он тотчас же приехал и с порога потребовал ответа:

— Ну, что? Что мне скажете?

— Право выбора за вами, Луи. Если нравятся наша страна, можно будет ходатайствовать и получить советское гражданство.

Луи так облегченно вздохнул и так радостно заулыбался, что стало ясно: он уже сделал выбор.

— Однако если перемену гражданство, как быть с фамилией?

— Опять же должен сам решить. А зачем ее менять?

— Но ведь не господин Бидо виноват, что я хожу по земле! И жизнь... Менять — так уж все разом! А Рубин... Я же незаконный...

— В таком случае примите фамилию вашей матери, — предложил Сергей.

Луи взял обе руки Сергея в свои и, глядя в глаза, очень серьезно спросил:

— Я могу рассчитывать, что вы с Ириной не оставите меня? Тут совсем другая жизнь, другие нравы. Мне предстоит начать все сначала. Смогу я опереться на вас, пока освоюсь?

— Разумеется, вы можете во всем полагаться и на меня и на Ирину. На этот счет у вас не должно быть никаких сомнений!

НА ЖИТЕЙСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ

Клементьев выслушал Бутова, еще раз просмотрел бумаги в зеленой папке. Потом под-

нялся с места и, попыхивая трубкой, стал расхаживать по кабинету. Время от времени он останавливается то у большой карты мира, занявшей полстены, то у книжных полок, то у широкого окна, за которым жизнь огромного города...

— О чем раздумываете, товарищ генерал? Теперь уж, кажется, все...

— Все, да не совсем... А Луи Бидо... — И вопросительно взглянул на Бутова. — Если решит остаться в Советском Союзе, сможет ли полностью, всем сердцем принять наш строй, сродниться с советскими людьми? Надо не упускать его из виду и, если потребуется, помочь. Да, поистине неисповедимы пути людские... Крымов и Бидо... Чудом уцелевшие дети войны. У одного на глазах расстреляли бабушку, у другого убили мать. Шли разными дорогами, а на запутанном житейском перекрестке встретились. Ох, война, война! Будь она проклята!

Через несколько дней Крымов снова встретился с Бутовым.

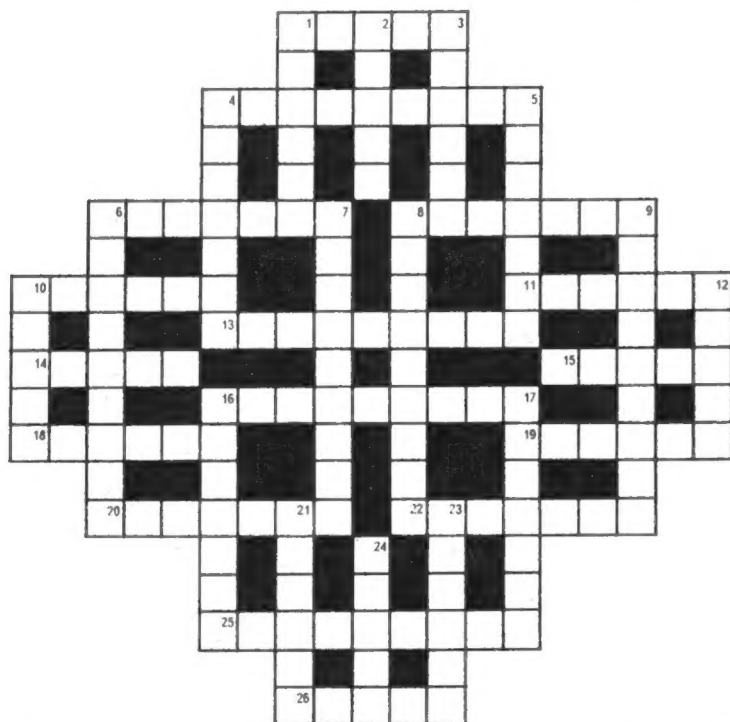
— Так вот, Виктор Павлович, выбор сделан. Луи решил остаться в Советском Союзе. Горюет, что не застал в живых отца. Мы ездили на кладбище... Втроем — Ирина, Луи и я. И могилу Полякова навестили. Он похоронен там же.

— Это хорошо, а за могилой Полякова присматривает кто-нибудь? У него, кажется, родных не было...

— Нет у него родных... Впрочем...

И Крымов рассказал, что на могиле Полякова лежали два букета гвоздик с алыми лентами. На одной: «Любимому! Аннет». На другой: «Кто борется за счастье людей, тот не умирает. От боевых французских друзей».

В кладбищенской конторе Сергеем сказали, что цветы положила приезжая француженка. Она с гидом Интуриста заходила к ним. Ее проводили к могиле Полякова. Француженка долго стояла у осевшего холмика, тихо плакала. Потом гид передал от нее деньги, чтобы могилу привели в порядок и присматривали за ней...

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Серия советских орбитальных станций. 4. Сельский механизатор. 6. Отношение длины линии на чертеже, карте и действительной длине соответствующей линии. 8. Соцветие незабудки, медуницы. 10. Древний ударный инструмент. 11. Рабочий объем цилиндров двигателя внутреннего сгорания. 13. Слово, образованное перестановкой букв другого слова. 14. Один из Ионических островов. 15. Столица демократической республики в Азии. 16. Бабочка. 18. Древнегреческая эпическая поэма. 19. Сплав меди с другими химическими элементами. 20. Старинный город в Калининской области. 22. Советский военачальник, маршал авиации. 25. Застекленное помещение для выращивания теплолюбивых растений. 26. Первая общерусская марксистская нелегальная газета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приток Волги. 2. Вьющееся растение. 3. Древнеримская одежда. 4. Небольшое лиственное дерево или кустарник. 5. Конструктивно объединенные приемник и электропроигрыватель. 6. Автор литературного повествования на основе личных воспоминаний. 7. Писательница, автор произведений о героической обороне Ленинграда. 8. Санаторий, дом отдыха. 9. Один из героев произведения А. С. Манаренко «Педагогическая поэма». 10. Вулканический остров в Полинезии. 12. Черный дятел. 16. Русский маринист, баталист. 17. Автономная республика в Грузии. 21. Горный хребет в Западном Саяне. 23. Процесс соединения конструкций сооружений. 24. Стихотворение Я. В. Смелянова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Гаршнеп. 5. «Людмила». 7. Шпон. 8. Лаба. 11. Канопус. 13. Тангенс. 15. Бессмертника. 18. Арлекин. 19. Фабрика. 20. Тетерева. 23. Бионика. 24. «Родника». 26. Рона. 28. Клуб. 29. «Цыганка». 30. Ирендин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Яшин. 2. Ямал. 3. Гашек. 4. Пылесос. 5. Левитан. 6. Аванс. 9. Определение. 10. Универсиада. 12. Амагасани. 14. Направин. 16. Минор. 17. Тефия. 21. Елабуга. 22. Тартини. 23. Борец. 25. Айбек. 27. Агат. 28. Конь.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Леонардо да Винчи. 1452—1519. ДАМА С ГОРНОСТАЕМ.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Огюст Ренуар. 1841—1919. КАЧЕЛИ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.05.84. Подписано к печати 23.05.84. А 00373. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1451. Заказ № 2636.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

КУКРЫНИКСЫ
84

Космические грезы Вашингтона.

ИЗБ. 0134—0097
Центр хранения 40 экз.
Информ. 10663

Renoir